Л. Н. Толстой

НЕПРОТИВЛЕНИЕ ЗЛУ НАСИЛИЕМ

(Из книги «В чём моя вера?»)

I

Из всех Евангелий, как что-то особенное, всегда выделялась для меня Нагорная проповедь. И её-то я читал чаще всего. Нигде, кроме как в этом месте, Христос не говорит с такою торжественностью, нигде он не даёт так много нравственных, ясных, понятных, прямо отзывающихся в сердце каждого правил, нигде он не говорит к большей толпе всяких простых людей. Если были ясные, определенные христианские правила, то они должны быть выражены тут. В этих трех главах Матфея я искал разъяснения моих недоумений.

Много и много раз я перечитывал Нагорную проповедь и всякий раз испытывал одно и то же: восторг и умиление при чтении тех стихов — о подставлении щеки, отдаче рубахи, примирении со всеми, любви к врагам — и то же чувство неудовлетворённости. Слова Бога, обращённые ко всем, были неясны. Поставлено было слишком невозможное отречение от всего, уничтожавшее самою жизнь, как я понимал её, и поэтому отречение от всего, казалось мне, не могло быть непременным условием спасения. А как скоро это не было непременное условие спасения, то не было ничего определённого и ясного. Я читал не одну Нагорную проповедь, я читал все Евангелия, все богословские комментарии на них. Богословские объяснения о том, что изречения Нагорной проповеди суть указания того совершенства, к которому должен стремиться человек, но что падший человек — весь в грехе и своими силами не может достигнуть этого совершенства, что спасение человека в вере, молитве и благодати, — объяснения эти не удовлетворяли меня.

Я не соглашался с этим, потому что мне всегда казалось странным, для чего Христос, вперёд зная, что исполнение его учения невозможно одними силами человека, дал такие ясные и прекрасные правила, относящиеся прямо к каждому отдельному человеку? Читая эти правила, мне всегда казалось, что они относятся прямо ко мне, от меня одного требуют исполнения.

Читая эти правила, на меня находила всегда радостная уверенность, что я могу сейчас, с этого часа, сделать всё это. И я хотел и пытался делать это; но как только я испытывал борьбу при исполнении, я невольно

вспоминал учение церкви о том, что человек слаб и не может сам сделать этого, и ослабевал.

Мне говорили: надо верить и молиться.

Но я чувствовал, что я мало верю и потому не могу молиться. Мне говорили, что надо молиться, чтобы Бог дал веру, ту веру, которая даёт ту молитву, которая даёт ту веру, которая даёт ту молитву и т.д., до бесконечности.

Но и разум и опыт показывали мне, что средство это недействительно. Мне всё казалось, что действительны могут быть только мои усилия исполнять учение Христа.

И вот, после многих, многих тщетных исканий, изучений того, что было писано об этом в доказательство божественности этого учения и в доказательство небожественности его, после многих сомнений и страданий, я остался опять один со своим сердцем и с таинственной книгою пред собой. Я не мог дать ей того смысла, который давали другие, и не мог придать иного, и не мог отказаться от неё. И только изверившись одинаково и во все толкования ученой критики, и во все толкования ученого богословия, и откинув их все, по слову Христа: если не примете меня, как дети, не войдёте в Царствие Божие... я понял вдруг то, чего не понимал прежде. Я понял не тем, что я как-нибудь искусно, глубокомысленно переставлял, сличал, перетолковывал; напротив, всё открылось мне тем, что я забыл все толкования. Место, которое было для меня ключом всего, было место из **V** главы Матфея, стих **39**-й: "Вам сказано: око за око, зуб за зуб. А я вам говорю: не противьтесь злу"... Я вдруг в первый раз понял этот стих прямо и просто. Я понял, что Христос говорит то самое, что говорит. И тотчас не то что появилось что-нибудь новое, а отпало всё, что затемняло истину, и истина восстала предо мной во всём её значении. "Вы слышали, что сказано древним: око за око, зуб за зуб. А я вам говорю: не противьтесь злу". Слова эти вдруг показались мне совершенно новыми, как будто я никогда не читал их прежде.

Прежде, читая это место, я всегда по какому-то странному затмению пропускал слова: **а я говорю: не противься злу**. Точно как будто слов этих совсем не было, или они не имели никакого определённого значения.

Впоследствии при беседах моих со многими и многими христианами, знавшими Евангелие, мне часто случалось замечать относительно этих слов то же затмение. Слов этих никто не помнил, и часто, при разговорах об этом месте, христиане брали Евангелие, чтобы проверить — есть ли там эти слова. Также и я пропускал эти слова и начинал понимать только со следующих слов: "И кто ударит тебя в правую щёку... подставь левую..." и т.д. И всегда слова эти представлялись мне требованием страданий, лишений, не свойственных человеческой природе. Слова эти умиляли меня.

Мне чувствовалось, что было бы прекрасно исполнить их. Но мне чувствовалось тоже и то, что я никогда не буду в силах исполнить их только для того, чтобы исполнить, чтобы страдать. Я говорил себе: ну хорошо, я подставлю щёку, — меня другой раз прибьют; я отдам, — у меня отнимут всё. У меня не будет жизни. А мне дана жизнь, зачем же я лишусь её? Этого не может требовать Христос. Прежде я говорил это себе, предполагая, что Христос этими словами восхваляет страдания и лишения и, восхваляя их, говорит преувеличенно и потому неточно и неясно; но теперь, когда я понял слова о непротивлении злу, мне ясно стало, что Христос ничего не преувеличивает и не требует никаких страданий для страданий, а только очень определённо и ясно говорит то, что говорит. Он говорит: "Не противьтесь злу; и, делая так, вперёд знайте, что могут найтись люди, которые, ударив вас по одной щеке и не встретив отпора, ударят и по другой; отняв рубаху, отнимут и кафтан; воспользовавшись вашей работой, заставят ещё работать; будут брать без отдачи... И вот если это так будет, то вы всё-таки не противьтесь злу. Тем, которые будут вас бить и обижать, всё-таки делайте добро". И когда я понял эти слова так, как они сказаны, так сейчас же всё, что было темно, стало ясно, и что казалось преувеличенно, стало вполне точно. Я понял в первый раз, что центр тяжести всей мысли в словах: "не противься злу", а что последующее есть только разъяснение первого положения. Я понял, что Христос нисколько не велит подставлять щёку и отдавать кафтан для того, чтобы страдать, а велит не противиться злу и говорит, что при этом придётся, может быть, и страдать. Точно так же, как отец, отправляющий своего сына в далёкое путешествие, не приказывает сыну — недосыпать ночей, недоедать, мокнуть и зябнуть, если он скажет ему: "Ты иди дорогой, и если придется тебе и мокнуть и зябнуть, ты всё-таки иди". Христос не говорит: подставляйте щёки, страдайте, а он говорит: не противьтесь злу, и, что бы с вами ни было, не противьтесь злу. Слова эти: **не противься злу или злому**, понятые в их прямом значении, были для меня истинно ключом, открывшим мне всё. И мне стало удивительно, как мог я так навыворот понимать ясные, определённые слова. Вам сказано: зуб за зуб, а я говорю: не противься злу или злому и, чтобы с тобой ни делали злые, терпи, отдавай, но не противься злу или злым. Что же может быть яснее, понятнее и несомненнее этого? И стоило мне понять эти слова просто и прямо, как они сказаны, и тотчас же во всём учении Христа, не только в Нагорной проповеди, но во всех Евангелиях, всё, что было запутано, стало понятно, что было противоречиво, стало согласно; и главное, что казалось излишне, стало необходимо. Всё слилось в одно целое и несомненно подтверждало одно другое, как куски разбитой статуи, составленные так, как они должны быть. В этой проповеди и во всех Евангелиях со всех сторон подтверждалось то же учение о непротивлении злу.

В этой проповеди, как и во всех местах, везде Христос представляет себе своих учеников, то есть людей, исполняющих правило о непротивлении злу, не иначе как подставляющих щёку и отдающих кафтан, как гонимых, побиваемых и нищих.

Везде много раз Христос говорит, что тот, кто не взял крест, кто не отрекся от всего, тот не может быть его учеником, то есть кто не готов на все последствия, вытекающие из исполнения правила о непротивлении злу. Ученикам Христос говорит: будьте нищие, будьте готовы, не противясь злу, принять гонения, страдания и смерть. Сам готовится на страдания и смерть, не противясь злу, и отгоняет от себя Петра, жалеющего об этом, и сам умирает, запрещая противиться злу и не изменяя своему учению.

Все первые ученики его исполняют это правило непротивления злу и всю жизнь проводят в нищете, гонениях и никогда не воздают злом за зло.

Стало быть, Христос говорил то, что говорил. Можно утверждать, что всегдашнее исполнение этого правила очень трудно; можно не соглашаться с тем, что каждый человек будет блажен, исполняя это правило; можно сказать, что это глупо, как говорят неверующие, что Христос был мечтатель, идеалист, который высказывал неисполнимые правила, которым и следовали по глупости его ученики; но никак нельзя не признавать, что Христос сказал очень ясно и определённо то самое, что хотел сказать: именно, что человек, по его учению, должен не противиться злу и что потому тот, кто принял его учение, не может противиться злу. А между тем ни верующие, ни неверующие не понимают такого простого, ясного значения слов Христа.

II

Когда я понял, что слова "не противься злу" значат: не противься злу, всё моё прежнее представление о смысле учения Христа вдруг изменилось, и я ужаснулся пред тем не то что непониманием, а каким-то странным пониманием учения, в котором я находился до сих пор. Я знал, мы все знаем, что смысл христианского учения — в любви к людям. Сказать: подставить щёку, любить врагов — это значит выразить сущность христианства. Я знал это с детства, но отчего же я не понимал этих простых слов просто, а искал в них какой-то иносказательный смысл? Не противься злому — значит не противиться злому никогда, то есть никогда не делай насилия, то есть такого поступка, который всегда противуположен любви. И если тебя при этом обидят, то перенеси обиду и всё-таки не делай насилия над другим. Он сказал так ясно и просто, как нельзя сказать яснее…

С детства меня учили тому, что Христос — Бог и учение его Божественно, но вместе с тем меня учили уважать те учреждения, которые насилием обеспечивают мою безопасность от злого, учили меня почитать эти учреждения священными. Меня учили противостоять злому и внушали, что унизительно и постыдно покоряться злому и терпеть от него, а похвально противиться ему. Меня учили судить и казнить. Потом меня учили воевать, то есть убийством противодействовать злым, и воинство, которого я был членом, называли христолюбивым воинством; и деятельность эту освящали христианским благословением. Кроме того, с детства и до возмужалости меня учили уважать то, что прямо противоречит закону Христа. Дать отпор обидчику, отмстить насилием за оскорбление личное, семейное, народное; все это не только не отрицали, но мне внушали, что всё это прекрасно и не противно закону Христа.

Всё меня окружающее: спокойствие, безопасность моя и семьи, моя собственность, всё построено было на законе, отвергнутом Христом, на законе: зуб за зуб.

Церковные учители учили тому, что учение Христа Божественно, но исполнение его невозможно по слабости людской, и только благодать Христа может содействовать его исполнению. Светские учители и всё устройство жизни уже прямо признавали неисполнимость, мечтательность учения Христа, и речами и делами учили тому, что противно этому учению. Это признание неисполнимости учения Бога до такой степени понемножку, незаметно всосалось в меня и стало привычно мне, и до такой степени оно совпадало с моими похотями, что я никогда не замечал прежде того противоречия, в котором я находился. Я не видал того, что невозможно в одно и то же время исповедовать Христа-Бога, основа учения которого есть непротивление злому, и сознательно и спокойно работать для учреждения собственности, судов, государства, воинства, учреждать жизнь, противную учению Христа, и молиться этому Христу о том, чтобы между нами исполнялся закон непротивления злому и прощения. Мне не приходило ещё в голову то, что теперь так ясно: что гораздо бы проще было устраивать и учреждать жизнь по закону Христа, а молиться уж о том, чтобы были суды, казни, войны, если они так нужны для нашего блага.

И я понял, откуда возникло моё заблуждение. Оно возникло из исповедания Христа на словах и отрицания его на деле.

Положение о непротивлении злому есть положение, связующее всё учение в одно целое, но только тогда, когда оно не есть изречение, а есть правило, обязательное для исполнения, когда оно есть закон.

Оно есть точно ключ, отпирающий всё, но только тогда, когда ключ этот просунут до замка. Признание этого положения за изречение, невозможное к исполнению без сверхъестественной помощи, есть уничтожение всего учения. Каким же, как не невозможным, может представляться людям то

учение, из которого вынуто основное, связующее всё положение? Неверующим же оно даже прямо представляется глупым и не может представиться иным.

Поставить машину, затопить паровик, пустить в ход, но не надеть передаточного ремня — это самое сделано с учением Христа, когда стали учить, что можно быть христианином, не исполняя положение о непротивлении злу.

Я недавно с еврейским раввином читал **V** главу Матфея. Почти при всяком изречении раввин говорил: это есть в Библии, это есть в Талмуде, и указывал мне в Библии и Талмуде весьма близкие изречения к изречениям Нагорной проповеди. Но когда мы дошли до стиха о непротивлении злу, он не сказал: и это есть в Талмуде, а только спросил меня с усмешкой: — И христиане исполняют это? подставляют другую щёку? — Мне нечего было отвечать, тем более что я знал, что в это самое время христиане не только не подставляли щёки, но били евреев по подставленной щеке. Но мне интересно было знать, есть ли что-нибудь подобное в Библии или Талмуде, и я спросил его об этом. Он сказал: — Нет, этого нет, но вы скажите, исполняют ли христиане этот закон? — Вопросом этим он говорил мне, что присутствие такого правила в христианском законе, которое не только никем не исполняется, но которое сами христиане признают неисполнимым, есть признание неразумности и ненужности этого правила. И я не мог ничего отвечать ему.

Теперь, поняв прямой смысл учения, я вижу ясно то странное противоречие с самим собой, в котором я находился. Признав Христа Богом и учение его Божественным и вместе с тем устроив свою жизнь противно этому учению, что же оставалось, как не признавать учение неисполнимым? На словах я признал учение Христа священным, на деле я исповедовал совсем не христианское учение и признавал и поклонялся учреждениям не христианским, со всех сторон обнимающим мою жизнь.

Весь Ветхий Завет говорит, что несчастия народа иудейского происходили оттого, что он верил в ложных богов, но не в истинного Бога. Самуил в первой книге, в главах **8**-й и **12**-й, обвиняет народ в том, что ко всем прежним своим отступлениям от Бога он прибавил ещё новое: на место Бога, который был их царём, поставили человека-царя, который, по их мнению, спасет их. Не верьте в "тогу", в пустое, говорит Самуил народу (**XII, 21** стих). Оно не поможет вам и не спасёт вас, потому что оно "тогу", пустое. Чтобы не погибнуть вам с царём вашим, держитесь одного Бога.

Вот вера в эти "тогу", в эти пустые кумиры и заслоняла от меня истину. На дороге к ней, заграждая её свет, стояли предо мной те "тогу", от которых я не в силах был отречься.

На днях я шёл в Боровицкие ворота; в воротах сидел старик, нищий-калека, обвязанный по ушам ветошкой. Я вынул кошелёк, чтобы дать ему

что-нибудь. В это время с горы из Кремля выбежал бравый молодой румяный малый, гренадёр в казенном тулупе. Нищий, увидав солдата, испуганно вскочил и вприхромку побежал вниз к Александровскому саду. Гренадёр погнался было за ним, но, не догнав, остановился и стал ругать нищего за то, что он не слышал запрещения и садился в воротах. Я подождал гренадёра в воротах. Когда он поравнялся со мной, я спросил его: знает ли он грамоте?

— Знаю, а что? — Евангелие читал? — Читал. — А читал: "и кто накормит голодного?..." — Я сказал ему это место. Он знал его и выслушал. И я видел, что он смущён. Два прохожие остановились, слушая. Гренадёеру, видно, больно было чувствовать, что он, отлично исполняя свою обязанность, — гоняя народ оттуда, откуда велено гонять, — вдруг оказался неправ. Он был смущён и, видимо, искал отговорки. Вдруг в умных, черных глазах его блеснул свет, он повернулся ко мне боком, как бы уходя. — А воинский устав читал? — спросил он. Я сказал, что не читал. — Так и не говори, — сказал гренадёр, тряхнув победоносно головой, и, запахнув тулуп, молодецки подошёл к своему месту.

Это был единственный человек во всей моей жизни, строго логически разрешивший тот вечный вопрос, который при нашем общественном строе стоял передо мной и стоит перед каждым человеком, называющим себя христианином.

III

Напрасно говорят, что учение христианское касается личного спасения, а не касается вопросов общих, государственных. Это только смелое и голословное утверждение самой очевидной неправды, которая разрушается при первой серьёзной мысли об этом. Хорошо, я не буду противиться злу, подставлю щёку, как частный человек, говорю я себе, но идет неприятель или угнетают народы, и меня призывают участвовать в борьбе со злыми — идти убивать их. И мне неизбежно решить вопрос: в чем служение Богу и в чем служение "тогу". Идти ли на войну, или не идти? Я — мужик, меня выбирают в старшины, судьи, в присяжные, заставляют присягать, судить, наказывать — что мне делать? Опять я должен выбирать между законом Бога и законом человеческим. Я — монах, живу в монастыре, мужики отняли наш покос, меня посылают участвовать в борьбе со злыми — просить в суде на мужиков. Опять я должен выбирать. Ни один человек не может уйти от решения этого вопроса. Я не говорю уже о нашем сословии, деятельность которого почти вся состоит в противлении злым: военные, судейские, администраторы, но нет того частного, самого скромного человека, которому

бы не предстояло это решение между служением Богу, исполнением его заповедей, или служением "тогу", государственным учреждениям. Личная моя жизнь переплетена с общей государственной, а государственная требует от меня нехристианской деятельности, прямо противной заповеди Христа. Теперь с общей воинской повинностью и участием всех в суде в качестве присяжных, дилемма эта с поразительной резкостью поставлена перед всеми. Всякий человек должен взять орудие убийства: ружьё, нож, и если не убить, то зарядить ружьё и отточить нож, то есть быть готовым на убийство. Каждый гражданин должен прийти в суд и быть участником суда и наказаний, то есть каждый должен отречься от заповеди Христа непротивления злому не словом только, но делом.

Вопрос гренадёра: Евангелие или воинский устав? закон Божий или закон человеческий? — теперь стоит и при Самуиле стоял перед человечеством. Он стоял и перед самим Христом и перед учениками его. Стоит и перед теми, которые теперь хотят быть христианами, стоял и передо мной.

Закон Христа, с его учением любви, смирения, самоотвержения, всегда и прежде трогал моё сердце и привлекал меня к себе. Но со всех сторон, в истории, в современной окружающей меня, и в моей жизни я видел закон противуположный, противный моему сердцу, моей совести, моему разуму, но потакающий моим животным инстинктам. Я чувствовал, что, прими я закон Христа, я останусь один, и мне может быть плохо, мне придется быть гонимым и плачущим, то самое, что сказал Христос. Прими закон человеческий — меня все одобрят, я буду спокоен, обеспечен, и к моим услугам все изощрения ума, чтобы успокоить мою совесть. Я буду смеяться и веселиться, то самое, что сказал Христос. Я чувствовал это и потому не только не углублялся в значение закона Христа, но старался понять его так, чтобы он не мешал мне жить моей животной жизнью. А понять его так нельзя было, и потому я вовсе не понимал его…

IV

Я понял теперь, что говорит Христос, когда он говорит: вам сказано: око за око, зуб за зуб. А я вам говорю: не противься злу, а терпи его. Христос говорит: вам внушено, вы привыкли считать хорошим и разумным то, чтобы силой отстаиваться от зла и вырывать глаз за глаз, учреждать уголовные суды, полицию, войско, отстаиваться от врагов, а я говорю: не делайте насилия, не участвуйте в насилии, не делайте зла никому, даже тем, которых вы называете врагами.

Я понял теперь, что в положении о непротивлении злу Христос говорит не только, что выйдет непосредственно для каждого от непротивления злу, но он, в противоположение той основы, которою жило при нём по Моисею, по римскому праву и теперь по разным кодексам живет человечество, ставит положение непротивления злу, которое, по его учению, должно быть основой жизни людей вместе и должно избавить человечество от зла, наносимого им самому себе. Он говорит: вы думаете, что ваши законы исправляют зло, — они только увеличивают его. Один есть путь пресечения зла — делание добра за зло всем без всякого различия. Вы тысячи лет пробовали ту основу, попробуйте мою — обратную.

Удивительное дело! В последнее время мне часто случалось говорить с самыми различными людьми об этом законе Христа — непротивления злу. Редко, но я встречал людей, соглашавшихся со мною. Но два рода людей никогда, даже в принципе, не допускают прямого понимания этого закона и горячо отстаивают справедливость противления злу. Это люди двух крайних полюсов: христиане патриоты-консерваторы, признающие свою церковь истинною, и атеисты-революционеры. Ни те, ни другие не хотят отказаться от права насилием противиться тому, что они считают злом. И самые умные, ученые люди из них никак не хотят видеть той простой, очевидной истины, что если допустить, что один человек может насилием противиться тому, что он считает злом, то точно так же другой может насилием противиться тому, что этот другой считает злом.

Недавно у меня была в руках поучительная в этом отношении переписка православного славянофила с христианином-революционером. Один отстаивал насилие войны во имя угнетённых братьев-славян, другой — насилие революции во имя угнетённых братьев — русских мужиков. Оба требуют насилия, и оба опираются на учение Христа…

Наименьшее, что можно требовать от людей, судящих о чьём-нибудь учении, это то, чтобы судили об учении учителя так, как он сам понимал его. А он понимал своё учение не как какой-то далёкий идеал человечества, исполнение которого невозможно, не как мечтательные поэтические фантазии, которыми он пленял простодушных жителей Галилеи; он понимал своё учение как дело, такое дело, которое спасёт человечество, и он не мечтал на кресте, а кричал и умер за своё учение. И так же умирали и умрут ещё много людей. Нельзя говорить про такое учение, что оно — мечта.

Всякое учение истины — мечта для заблудших. Мы до того дошли, что есть много людей (и я был в числе их), которые говорят, что учение это мечтательно, потому что оно несвойственно природе человека. Несвойственно, говорят, природе человека подставить другую щёку, когда его ударяют по одной, несвойственно отдать своё чужому, несвойственно работать не на себя, а на другого. Человеку свойственно, говорят,

отстаивать себя, свою безопасность, безопасность своей семьи, собственность, другими словами, — человеку свойственно бороться за своё существование. Ученый правовед научно доказывает, что самая священная обязанность человека есть отстаивание своего права, то есть борьба.

Но стоит на минуту отрешиться от той мысли, что устройство, которое существует и сделано людьми, есть наилучшее, священное устройство жизни, чтобы возражение это о том, что учение Христа несвойственно природе человека, тотчас же обратилось против возражателей. Кто будет спорить о том, что не то что мучить или убивать человека, но мучать собаку, убить курицу и теленка противно и мучительно природе человека. (Я знаю людей, живущих земледельческим трудом, которые перестали есть мясо только потому, что им приходилось самим убивать своих животных.) А между тем всё устройство нашей жизни таково, что всякое личное благо человека приобретается страданиями других людей, которые противны природе человека. Всё устройство нашей жизни, весь сложный механизм наших учреждений, имеющих целью насилие, свидетельствует о том, до какой степени насилие противно природе человека. Ни один судья не решится задушить верёвкой того, кого он приговорил к смерти по своему правосудию. Ни один начальник не решится взять мужика из плачущей семьи и запереть его в острог. Ни один генерал или солдат без дисциплины, присяги и войны не убьёт не только сотни турок или немцев и не разорит их деревень, но не решится ранить ни одного человека. Всё это делается только благодаря той сложнейшей машине государственной и общественной, задача которой состоит в том, чтобы разбивать ответственность совершаемых злодейств так, чтобы никто не почувствовал противоестественности этих поступков. Одни пишут законы, другие прилагают их, третьи муштруют людей, воспитывая в них привычки дисциплины, то есть бессмысленного и безответного повиновения, четвертые — эти самые вымуштрованные люди — делают всякого рода насилия, даже убивают людей, не зная зачем и для чего. Но стоит человеку хоть на минуту мысленно освободиться от этой сети устройства мирского, в которой он запутался, чтобы понять, что ему несвойственно.

Не будем только утверждать, что привычное зло, которым мы пользуемся, есть несомненная Божественная истина, и тогда ясно, что естественно и свойственно человеку: насилие или закон Христа? Знать ли, что спокойствие и безопасность моя и семьи, все мои радости и веселья покупаются нищетой, развратом и страданиями миллионов, — ежегодными виселицами, сотнями тысяч страдающих узников и миллионом оторванных от семей и одурённых дисциплиной солдат, городовых и урядников, которые оберегают мои потехи заряженными на голодных людей пистолетами; покупать ли каждый сладкий кусок, который я кладу в свой рот или рот моих детей, всем тем страданием человечества, которое неизбежно для

приобретения этих кусков; или знать, что какой ни есть кусок — мой кусок только тогда, когда он никому не нужен и никто из-за него не страдает. Стоит только понять раз, что это так, что всякая радость моя, всякая минута спокойствия при нашем устройстве жизни покупается лишениями и страданиями тысяч, удерживаемых насилием; стоит раз понять это, чтобы понять, что свойственно всей природе человека, то есть не одной животной, но и разумной и животной природе человека; стоит только понять закон Христа во всём его значении, со всеми последствиями его для того, чтобы понять, что не учение Христа несвойственно человеческой природе, но всё оно только в том и состоит, чтобы откинуть несвойственное человеческой природе мечтательное учение людей о непротивлении злу, делающее их жизнь несчастною.

Учение Христа о непротивлении злу — мечта! А то, что жизнь людей, в душу которых вложена жалость и любовь друг к другу, проходила и теперь проходит для одних в устройстве костров, кнутов, колесований, плетей, рванья ноздрей, пыток, кандалов, каторг, виселиц, расстреливаний, одиночных заключений, острогов для женщин и детей, в устройстве побоищ десятками тысяч на войне, в устройстве периодических революций и пугачёвщин, а жизнь других — в том, чтобы исполнять все эти ужасы, а третьих — в том, чтобы избегать этих страданий и отплачивать за них, — такая жизнь не мечта.

Стоит понять учение Христа, чтобы понять, что мир, не тот, который дан Богом для радости человека, а тот мир, который учреждён людьми для погибели их, есть мечта, и мечта самая дикая, ужасная, бред сумасшедшего, от которого стоит только раз проснуться, чтобы уже никогда не возвращаться к этому страшному сновидению.

Бог сошёл на землю; Сын Бога — одно лицо Святой Троицы, — вочеловечился, искупил грех Адама; Бог этот, нас приучили так думать, должен был сказать что-нибудь таинственно-мистическое, такое, что трудно понять, что можно понять только помощью веры и благодати, и вдруг слова Бога так просты, так ясны, так разумны. Бог говорит просто: не делайте друг другу зла — не будет зла. Неужели так просто откровение Бога? Неужели только это сказал Бог? Нам кажется, что мы это всё знаем. Это так просто.

Илья-пророк, убегая от людей, укрылся в пещере, и ему было откровение, что Бог явится ему у входа пещеры. Сделалась буря — ломались деревья. Илья подумал, что это Бог, и посмотрел, но Бога не было. Потом началась гроза; гром и молния были страшные. Илья вышел посмотреть — нет ли Бога, но Бога не было. Потом сделалось землетрясение: огонь шёл из земли, трескались скалы, валились горы. Илья посмотрел, но Бога не было. Потом стало тихо, и лёгкий ветерок пахнул с освеженных полей. Илья посмотрел — и Бог был тут. Таковы и эти простые слова Бога: не противься злу.

Они очень просты, но в них выражен закон Бога и человека, единственный и вечный. Закон этот до такой степени вечен, что если и есть в исторической жизни движение вперёд к устранению зла, то только благодаря тем людям, которые так поняли учение Христа и которые переносили зло, а не сопротивлялись ему насилием. Движение к добру человечества совершается не мучителями, а мучениками. Как огонь не тушит огня, так зло не может потушить зла. Только добро, встречая зло и не заражаясь им, побеждает зло. То, что это так, есть в мире души человека такой же непреложный закон, как закон Галилея, но более непреложный, более ясный и полный. Люди могут отступать от него, скрывая его от других, но всё-таки движение человечества к благу может совершаться только на этом пути. Всякий ход вперёд сделан только во имя непротивления злу. И ученик Христа может увереннее, чем Галилей, ввиду всех возможных соблазнов и угроз, утверждать: "И всё-таки не насилием, а добром только вы уничтожите зло". И если медленно это движение, то только благодаря тому, что ясность, простота, разумность, неизбежность и обязательность учения Христа скрыты от большинства людей самым хитрым и опасным образом, скрыты под чужим учением, ложно называемым его учением.

Л. Н. Толстой

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ВОПРОСА О НЕПРОТИВЛЕНИИ ЗЛУ НАСИЛИЕМ

(Из книги «Царство Божие внутри вас…»)

В **1884** году я написал книгу под заглавием: **"В чем моя вера?"**. В книге этой я действительно изложил то, во что я верю.

Излагая свою веру в учение Христа, я не мог не высказать и того, почему я не верю и считаю заблуждением ту церковную веру, которая обыкновенно называется христианством.

В числе многих отступлений этого учения от учения Христа я указывал на главное отступление, именно — на непризнание заповеди непротивления злу насилием, очевиднее других отступлений указывающее на извращение церковным учением учения Христа.

Я очень мало знал, как и все мы, о том, что делалось и было проповедуемо и писано в прежнее время по вопросу о непротивлении злу. Я знал то, что было высказано об этом предмете у отцов церкви — Оригена, Тертуллиана и других, — знал и о том, что существовали и существуют некоторые, так называемые, секты менонитов, гернгутеров, квакеров, которые не допускают для христианина употребления оружия и не идут в военную службу; но что было сделано этими, так называемыми, сектами для разъяснения этого вопроса, было мне мало известно.

Книга моя, как я и ожидал, была задержана русской цензурой, но отчасти вследствие моей репутации как писателя, отчасти потому, что она заинтересовала людей, книга эта распространилась в рукописях и литографиях в России и в переводах за границей и вызвала, с одной стороны, от людей, разделяющих мои мысли, ряд сведений о сочинениях, писанных об этом же предмете, с другой стороны, ряд критик на мысли, высказанные в самой книге.

Как то, так и другое, вместе с историческими явлениями последнего времени, выяснило для меня очень многое и привело меня к новым выводам и заключениям, которые я и хочу высказать.

Прежде скажу о тех сведениях, которые я получил об истории вопроса о непротивлении злу; потом о тех суждениях об этом вопросе, которые были высказаны как духовными, т.е. исповедующими христианскую религию, критиками, так и светскими, т.е. не исповедующими христианскую религию; и, наконец, те выводы, к которым я был приведён и теми, и другими, и историческими событиями последнего времени.

I

Одним из первых откликов на мою книгу были письма от **американских квакеров**. В письмах этих, выражая своё сочувствие моим взглядам о незаконности для христианина всякого насилия и войны, квакеры сообщили мне подробности о своей, так называемой, секте, более **200** лет исповедующей на деле учение Христа о непротивлении злу насилием и не употреблявшей и теперь не употребляющей для защиты себя оружия. Вместе с письмами квакеры присылали мне свои брошюры, журналы и книги. Из этих присланных мне ими журналов, брошюр и книг я узнал, до какой степени уже много лет тому назад ими неопровержимо была доказана для христианина обязанность выполнения заповеди о непротивлении злу насилием и была обличена неправильность церковного учения, допускающего казни и войны.

Целым рядом рассуждений и текстов доказав то, что с религией, основанной на миролюбии и благоволении к людям, несовместима война, т.е. калечение и убийство людей, квакеры утверждают и доказывают, что ничто столько не содействовало затемнению Христовой истины в глазах язычников и не мешало распространению христианства в мире, как непризнание этой заповеди людьми, именовавшими себя христианами, — как разрешение для христиан войны и насилия.

"Христово учение, вошедшее в сознание людей не посредством меча и насилия, говорят они, а посредством непротивления злу, посредством кротости, смирения и миролюбия, — только примером мира, согласия и любви между своими последователями и может распространиться в мире".

"Христианин, по учению самого Бога, может быть руководим в отношениях к людям только миролюбием, и потому не может быть такого авторитета, который заставил бы христианина действовать противно учению Бога и главного свойства христианина по отношению своих близких".

"Правило государственной необходимости, говорят они, может заставить изменить закону Бога тех, которые ради житейских выгод стараются согласить несогласимое, но для христианина, который истинно верит тому, что следование учению Христа даёт ему спасение, правило это не может иметь никакого значения".

Знакомство с деятельностью квакеров и их сочинениями: с **Фоксом**, **Пэном** и в особенности с книгой **Даймонда (Dymond) 1827** г. — показало мне, что не только давным-давно сознана невозможность соединения христианства с насилием и войною, но что эта несовместимость давным-давно так ясно и несомненно доказана, что надо только удивляться, каким образом может продолжаться это невозможное соединение христианского

учения с насилием, которое проповедовалось и продолжает проповедоваться церквами.

Сочинения такого рода, затрагивающие самую сущность христианского учения, должны бы были, казалось, быть разобраны и признаны справедливыми или отвергнуты и опровергнуты.

Но ничего подобного нет. Со всеми этими сочинениями повторяется одно и то же. Люди самых разных взглядов, как верующие, так и — что достойно удивления — неверующие либералы, как бы сговорившись, все одинаково упорно молчат о них, и всё то, что делается людьми для разъяснения истинного смысла учения Христа, остаётся неизвестным или забытым.

Но ещё более удивительна неизвестность двух сочинений, о которых я узнал тоже по случаю появления моей книги. Это книга **Dymond'a "On war" — "О войне"**, изданная в первый раз в Лондоне в **1824** году, и **Daniel Musser'a "О непротивлении"**, написанная в **1864** году. Неизвестность этих книг удивительна особенно потому, что, не говоря о достоинстве их, обе книги трактуют не столько о теории, сколько о практическом приложении теории к жизни, об отношении христианства к военной службе, что теперь особенно важно и интересно при общей воинской повинности.

Спросят, может быть: как же обязан поступить подданный, который верит, что война несовместима с его религиею, но от которого правительство требует участия в военной службе?

Кажется, что это вопрос самый живой и такой, на который ответ при теперешней общей воинской повинности особенно важен. Все или огромное большинство людей — христиане, и все мужчины призываются к военной службе. Как же должен человек, как христианин, отвечать на это требование? Ответ Dymond'a такой:

"Обязанность его состоит в том, чтобы с кротостью, но и с твёрдостью отказаться от службы".

"Есть некоторые люди, которые без всякого определённого рассуждения прямо почему-то заключают, что ответственность за государственные меры ложится только на тех, которые распоряжаются, или что правительство и цари решают вопросы о том, что хорошо или дурно для подданных, и что подданные обязаны только повиноваться. Я думаю, что рассуждения такого рода только отуманивают совесть людей. "Я не могу не участвовать в совете правительства и потому не ответствен в его преступлениях". Правда, мы не ответственны в преступлениях правителей, но мы ответственны в своих собственных преступлениях. И преступления правителей делаются нашими, если мы, зная, что это преступления, содействуем их совершению... Те, которые полагают, что они обязаны повиноваться правительству и что

ответственность за совершаемые ими преступления переносится с них на их государей, сами себя обманывают".

"Говорят: "мы передаем свои поступки воле других людей, и наши поступки не могут быть ни дурными, ни хорошими; в наших поступках не может быть ни заслуги за доброе, ни ответственности за злое, так как они совершаются не по нашей воле".

Замечательно, что это самое выражено в наставлении солдатам, которое их заставляют заучивать: там сказано, что только начальник отвечает за последствия своего приказания.

Но это несправедливо. Человек не может снять с себя ответственности за свои поступки. И это видно из следующего:

"Если начальник велит вам убить ребенка вашего соседа, убить вашего отца, вашу мать, послушаетесь ли вы? Если же вы не послушаетесь, то и всё рассуждение никуда не годится, потому что если вы можете не послушаться правителей в одном случае, то где же вы найдете тот предел, до которого вы можете повиноваться? Нет другого предела, кроме того, который определен христианством, и предел этот и разумен и исполним".

"И потому мы полагаем, что обязанность каждого человека, считающего, что война несовместима с христианством, — кротко, но твёрдо отказаться от военной службы. И пусть те, которым приходится так поступать, пусть они помнят, что на них лежит великая обязанность. От их верности своей религии зависит настолько, насколько она зависит от людей, — судьба мира в человечестве. Пускай они исповедуют своё убеждение и защищают его. И не одними словами, но и страданиями, если то будет нужно. Если вы верите, что Христос запретил убийство, не верьте ни суждениям, ни приказаниям людей, призывающих вас к участию в нём. Таким твёрдым отказом от участия в насилии вы привлечёте к себе благословение, данное тем, которые слышат слова эти и исполняют их, и придёт время, когда и мир почтит вас как участников в возрождении человечества".

Книга Мосера называется **"Утверждение непротивления"** или **"Разделение царства Христа и царства мира сего"**, в **1864**.

Книга эта посвящена тому же вопросу и разъясняет его по случаю требования американским правительством от своих граждан военной службы во время междоусобной войны. И тоже имеет самое современное значение, разъясняя вопрос о том, как, при каких условиях люди должны и могут отказываться от военной службы. В вступлении автор говорит:

"Известно, что в Соединённых Штатах есть много людей, сознательно отрицающих войну. Их называют "непротивляющимися" (non-resistant) или "беззащитными" (defenceless) христианами. Эти христиане отказываются защищать свою страну, носить оружие и, по требованию правительства, воевать против его врагов. До сих пор эта религиозная причина была уважаема правительством, и те, которые выставляли её, были

освобождаемы от службы. Но с началом нашей междоусобной войны общественное мнение возмущено этим обстоятельством. Естественно, что лица, считающие своей обязанностью нести все тяжести и опасности военной жизни для защиты своего отечества, чувствуют недоброжелательство к тем лицам, которые вместе с ними в продолжение долгого времени пользовались покровительством и выгодами правительства; во время же нужд и опасности не хотят участвовать в несении трудов и опасности для защиты его. Естественно даже и то, что положение таких людей признают неразумным, уродливым и признают его подозрительным".

"Много ораторов и писателей, — говорит автор, — восстали против такого положения и старались доказать несправедливость непротивления и по здравому смыслу и по писанию; и это совершенно естественно, и во многих случаях эти писатели правы, — правы в отношении к лицам, которые, отказываясь от трудов военной службы, не отказываются от выгод, получаемых ими от правительств, но — не правы по отношению самого принципа "непротивления". Прежде всего автор доказывает обязательность для христианина правила непротивления тем, что предписание это ясно и что оно без возможности перетолкования дано Христом всякому христианину.

"Судите сами, справедливо ли повиноваться человеку более, чем Богу", — сказали Петр и Иоанн. И точно так же всякий человек, желающий быть христианином, должен относиться к требованиям идти на войну, когда Христос сказал ему: "Не противься злу насилием".

Этим вопрос о самом принципе автор считает решённым. Но другой вопрос, о том, имеют ли право отказаться от военной службы лица, не отказывающиеся от выгод, даваемых насилием правительства, автор разбирает подробно и приходит к заключению, что христианин, следующий закону Христа, если он не идет на войну, не может точно так же принимать участия ни в каких правительственных распоряжениях: ни в судах, ни в выборах, — не может точно так же и в личных делах прибегать к власти, полиции или суду. — Далее в книге разбирается отношение Ветхого Завета к Новому, значение правительства для нехристиан; представляются возражения на учение непротивления и опровержения их. Заключает свою книгу автор следующим:

"Христиане не нуждаются в правительстве и потому не могут: ни повиноваться ему в том, что противно учению Христа, ни, тем менее, участвовать в нём".

"Христос избрал своих учеников из мира, — говорит он. — Они не ожидают мирских благ и мирского счастия, а, напротив, они ожидают жизни вечной. Дух, в котором они живут, делает их довольными и счастливыми во всяком положении. Если мир терпит их, они всегда довольны. Если же мир

не хочет оставить их в покое, то они уйдут в другое место, так как они странники на земле и у них нет определённого места жительства. Они считают, что мёртвые могут хоронить своих мертвецов, им же нужно одно: "следовать за своим учителем".

Не касаясь вопроса о том, верно или неверно определение обязанности христианина по отношению к войне, которая устанавливается в обеих книгах, нельзя не видеть практической важности и настоятельности решения этого вопроса.

II

Такое же впечатление желания скрыть, замолчать то, что я старался высказать в своей книге, произвели во мне и суждения о ней.

Книга по выходе её, как я и ожидал, была запрещена и по закону должна была быть сожжена. Но книга вместо сожжения была разобрана чиновниками и распространилась в большом количестве списков и литографных оттисков и в переводах, напечатанных за границей.

И очень скоро на книгу появились критики, не только духовные, но и светские, которые правительство не только допускало, но и поощряло. Так что даже опровержение книги, которая считалась никому не известной, назначено было темой богословских сочинений в академиях.

Критики на мою книгу, как русские, так и иностранные, разделяются на два главные рода: критики религиозные — людей, считающих себя верующими, и критики светские — вольнодумные.

Начну с первых:

В книге моей я обвиняю церковных учителей в том, что они учат противно заповедям Христа, ясно и определённо выраженным в Нагорной проповеди, и особенно противно заповеди о непротивлении злу и лишают этим учение Христа всего его значения. Церковные учители признают Нагорную проповедь с заповедью о непротивлении злу насилием божественным откровением и потому, если они уже раз нашли нужным писать о моей книге, то, казалось бы, им необходимо было прежде всего ответить на этот главный пункт обвинения и прямо высказать, признают или не признают они обязательным для христианина учение Нагорной проповеди и заповедь о непротивлении злу насилием, и отвечать не так, как это обыкновенно делается, т.е. сказать, что хотя, с одной стороны, нельзя собственно отрицать, но, с другой стороны, опять-таки нельзя утверждать, тем более, что и т.д., а ответить так же, как поставлен вопрос в моей книге: действительно ли Христос требовал от своих учеников исполнения того, чему он учил в Нагорной проповеди, и потому может или не может

христианин, оставаясь христианином, идти в суд, участвуя в нём, осуждая людей или ища в нём защиты силой, может или не может христианин, оставаясь христианином, участвовать в управлении, употребляя насилие против своих ближних и самый главный, всем предстоящий теперь с общей воинской повинностью, вопрос — может или не может христианин, оставаясь христианином, противно прямому указанию Христа обещаться в будущих поступках, прямо противных учению, и, участвуя в военной службе, готовиться к убийству людей или совершать их?

Вопросы поставлены ясно и прямо, и, казалось, надобно ясно и прямо ответить на них. Но во всех критиках на мою книгу ничего подобного не было сделано, точно так же как не было сделано и по отношению всех тех обличений церковных учителей в отступлении их от закона Христа, которыми со времен Константина полна история.

Очень много было говорено по случаю моей книги о том, как я неправильно толкую те и другие места Евангелия, о том, как я заблуждаюсь, не признавая троицы, искупления и бессмертия души; говорено было очень многое, но только не то одно, что для всякого христианина составляет главный, существенный вопрос жизни: как соединить ясно выраженное в словах учителя и в сердце каждого из нас учение о прощении, смирении, отречении и любви ко всем: к ближним и к врагам, с требованием военного насилия над людьми своего или чужого народа.

Всё, что можно назвать подобиями ответов на этот вопрос, можно свести к следующим пяти разрядам. Я старался собрать в этом отношении всё, что мог, не только по критикам на мою книгу, но и по всему тому, что и в прежние времена писалось на эту тему.

Первый самый грубый **способ** ответа состоит в смелом утверждении того, что насилие не противоречит учению Христа, что оно разрешено и даже предписано христианам Ветхим и Новым Заветом,

Этого рода утверждения исходят большею частью от людей, находящихся на высоких ступенях правительственной или духовной иерархии и вследствие этого совершенно уверенных, что на их утверждения возражать никто не посмеет, а если кто и будет возражать, то они не услышат этих возражений. Люди эти большею частью до такой степени, вследствие одурманения властью, потеряли представление о том, что есть то христианство, во имя которого они занимают своё положение, что всё то, что есть в христианстве христианского, представляется им сектантством; всё же то, что в писании как Ветхого, так и Нового Завета может быть перетолковано в смысле антихристианском и языческом, они считают основанием христианства. В пользу своего утверждения о том, что христианство не противоречит насилию, эти люди выставляют обыкновенно с величайшей смелостью самые соблазнительные места из Ветхого и Нового Завета, самым нехристианским образом толкуя их: казнь Анания и

Сапфиры, казнь Симона Волхва и т.п. Приводятся все те слова Христа, которые можно перетолковать как оправдание жестокости: изгнание из храма, "Отраднее будет земле содомской, чем городу этому" и т.п.

По понятиям этих людей, христианское правительство нисколько не обязано руководиться духом смирения, прощения обид и любви к врагам.

Опровергать такое утверждение бесполезно потому, что люди, утверждающие это, сами себя опровергают или, скорее, отвергают себя от Христа, выдумывая своего Христа и своё христианство вместо того, во имя которого и существует и церковь и то положение, которое они в ней занимают. Если бы все люди знали, что церковь проповедует Христа казнящего и не прощающего и воюющего, то никто бы не верил в эту церковь и некому было бы доказывать то, что она доказывает.

Второй способ, несколько менее грубый, состоит в том, чтобы утверждать, что хотя действительно Христос учил подставлять щёку и отдавать кафтан и что это очень высокое нравственное требование, но... что есть на свете злодеи, и если не усмирять силой этих злодеев, то погибнет весь мир и погибнут добрые. Довод этот я нашёл в первый раз у Иоанна Златоуста и выставляю несправедливость его в книге "В чем моя вера?".

Довод этот неоснователен потому, что если мы позволим себе признать каких-либо людей злодеями особенными (рака́), то, во-первых, мы этим уничтожаем весь смысл христианского учения, по которому все мы равны и братья как сыны одного отца небесного; во-вторых потому, что если бы и было разрешено Богом употреблять насилие против злодеев, то так как никак нельзя найти того верного и несомненного определения, по которому можно наверное узнать злодея от незлодея, то каждый человек или общество людей стало бы признавать взаимно друг дуга злодеями, что и есть теперь; в-третьих, потому, что если бы и было возможно несомненно узнавать злодеев от незлодеев, то и тогда нельзя бы было в христианском обществе казнить или калечить, или запирать в тюрьмы этих злодеев, потому что в христианском обществе некому бы было исполнять это, так как каждому христианину, как христианину, предписано не делать насилия над злодеем.

Третий способ ответов, ещё более тонкий, чем предыдущий, состоит в утверждении того, что хотя заповедь о непротивлении злу насилием и обязательна для христианина, когда зло направлено лично против него, она перестает быть обязательной, когда зло направлено против ближних, и что тогда христианин не только не обязан исполнять заповеди, но обязан для защиты ближних противно заповеди употреблять насилие против насилующих.

Утверждение это совершенно произвольно, и во всём учении Христа нельзя найти подтверждения такому толкованию. Такое толкование есть не только ограничение заповеди, но прямое отрицание и уничтожение её. Если

каждый имеет право употреблять насилие при угрожающей другому опасности, то вопрос об употреблении насилия сводится к вопросу определения того, что считать опасностью для другого. Если же моё частное суждение решает вопрос опасности для другого, то нет того случая насилия, которого нельзя бы было объяснить угрожающей другому опасностью. Казнили и сжигали колдунов, казнили аристократов и жирондистов, казнили и их врагов, потому что те, которые были во власти, считали их опасными для людей.

Если бы это важное ограничение, в корне подрывающее значение заповеди, входило в мысль Христа, то о нём должно было быть где-нибудь упомянуто. Во всей же проповеди и жизни учителя не только не сделано этого ограничения, но, напротив, как раз дано предостережение против такого ложного и соблазнительного, уничтожающего заповедь ограничения. Ошибка и невозможность такого ограничения с особенной яркостью показана в Евангелии при рассказе о рассуждении Каиафы, сделавшего именно это ограничение. Он признавал, что нехорошо казнить невинного Иисуса, но видел в этом опасность не для себя, но для всего народа и потому сказал: "лучше погибнуть одному человеку, чем всему народу". И ещё ярче высказано отрицание такого ограничения в словах, сказанных Петру при его попытке воспротивиться насилием злу, направленному против Иисуса **(Мф. XXVI, 52)**. Петр защищал не себя, но своего любимого и божественного учителя. И Христос прямо запретил ему это, сказав, что поднявший меч от меча погибнет.

Кроме того, оправдание насилия, употребленного над ближним для защиты другого ближнего от худшего насилия, всегда неверно, потому что никогда при употреблении насилия против не совершившегося ещё зла нельзя знать, какое зло будет больше — зло ли моего насилия, или того, от которого я хочу защищать. Мы казним преступника, избавляя от него общество, и никак не можем знать, не изменился ли бы завтра бывший преступник и не есть ли наша казнь бесполезная жестокость. Мы запираем опасного, по нашему мнению, члена общества, но с завтрашнего дня этот человек мог перестать быть опасным и заключение его напрасно. Я вижу, что известный мне разбойник преследует девушку, у меня в руке ружьё — я убиваю разбойника, спасаю девушку, но смерть или поранение разбойника совершилось наверное; то же, что бы произошло, если бы этого не было, мне неизвестно. А какое огромное количество зла должно произойти, как оно и происходит, — от признания людьми за собой права предупреждать могущее случиться зло. 0,99 зла мира от инквизиции до динамитных бомб и казней и страданий десятков тысяч так называемых политических преступников основано на этом рассуждении.

Четвертый, ещё более утончённый ответ на вопрос, как должно относиться христианину к заповеди Христа о непротивлении злу насилием,

состоит в том, чтобы утверждать, что заповедь непротивления злу насилием не отрицается ими, а признаётся, как и всякая другая, но что они только не приписывают этой заповеди особенного, исключительного значения, как это делают сектанты. Приписывание этой заповеди неизменного условия христианской жизни, как это делают Гаррисон, Баллу, Даймонд, квакеры, меноните, шекеры и как это делали моравские братья, вальденцы, альбигойцы, богомилы, павликиане, — есть одностороннее сектантство. Заповедь эта имеет ни больше, ни меньше значения, чем и все другие, и человек, преступивший по слабости какую бы то ни было заповедь, а также и заповедь о непротивлении, не перестает быть христианином, если он правильно верит.

Изворот этот очень искусен, и многие люди, желающие быть обманутыми, легко обманываются им. Изворот состоит в том, чтобы прямое сознательное отрицание заповеди свести к случайному нарушению её. Но стоит только сравнить отношение церковных учителей к этой и к другим действительно признаваемым ими заповедям, чтобы убедиться в том, что отношение церковных учителей к заповедям, которые они признают, и к этой — совершенно различно.

Заповедь против блуда они действительно признают и потому никогда ни в каком случае не признают того, чтобы блуд не был злом. Никогда церковные проповедники не указывают случаев, когда заповедь против блуда должна бы была нарушаться, и всегда поучают тому, что должно избегать соблазнов, вводящих в искушение против блуда. Но не то с заповедью непротивления. Все церковные проповедники знают случаи, когда заповедь эта может быть нарушена. И так и учат людей. И не только не учат избегать этих соблазнов, из которых главный есть присяга, но сами производят его. Церковные проповедники никогда ни в каком случае не проповедуют нарушения всякой другой заповеди. По отношению же заповеди о непротивлении они прямо учат тому, что не надо слишком прямо понимать это запрещение, что не только не всегда нужно исполнять заповедь, но что есть условия, положения, в которых нужно делать прямо противное, т.е. судить, воевать, казнить. Так что по случаю заповеди о непротивлении злу насилием проповедуется в большей части случаев о том, как не исполнять её. Исполнение этой заповеди, говорят они, очень трудно и свойственно только совершенству. Но как же ей быть не трудной, когда нарушение её не только не запрещается, но прямо поощряется, когда прямо благословляются суды, тюрьмы, пушки, ружья, войска, сражения.

Стало быть неправда то, что заповедь эта признаётся церковными проповедниками наравне с другими заповедями. Церковные проповедники прямо не признают её и, только не смея сознаться в этом, стараются скрыть своё непризнание её.

Таков четвертый способ ответов.

Пятый способ, самый тонкий, самый употребительный и самый могущественный, состоит в уклонении от ответа, в делании вида, что вопрос этот кем-то давным-давно разрешён вполне ясно и удовлетворительно и что говорить об этом не стоит.

Этот способ употребляем всеми более или менее культурными духовными писателями, т.е. такими, которые чувствуют для себя обязательными законы логики. Зная, что противоречие, существующее между учением Христа, которое мы на словах исповедуем, и всем строем нашей жизни нельзя распутать словами и, касаясь его, можно только сделать его ещё очевиднее, они с большей или меньшей ловкостью, делая вид, что вопрос о соединении христианства с насилием уже разрешён или вовсе не существует, обходят его.

Большинство духовных критиков на мою книгу пользуются этим способом. Я бы мог привести десятки таких критик, в которых без исключения повторяется одно и то же: говорится обо всём, но только не о том, что составляет главный предмет книги. Как характерный пример таких критик приведу статью знаменитого, утончённого английского писателя и проповедника **Фаррара**, великого, как и многие ученые богословы, мастера обходов и умолчаний. Статья эта напечатана в американском журнале **"Forum"** за октябрь **1888** года.

Изложив добросовестно вкратце содержание моей книги, Фаррар говорит:

"Толстой пришёл к убеждению, что мир был грубо обманут, когда людей уверили, что учение Христа "не противься злу или адом" совместимо с войной, судами, смертною казнью, разводами, клятвой, народными пристрастиями и вообще с большинством учреждений гражданской и общественной жизни. Он верит теперь, что царство Бога наступит тогда, когда люди будут исполнять 5 заповедей Христа, именно: **1)** жить в мире со всеми людьми; **2)** вести чистую жизнь; **3)** не клясться; **4)** никогда не противиться злу и **5)** отказываться от народных различий".

"Толстой, говорит он, отрицает боговдохновенность Ветхого Завета, посланий, отрицает все догматы церкви, как-то: троицы, искупления, сошествия св. духа, священства и признаёт только слова и заповеди Христа". "Но верно ли такое толкование учения Христа? — говорит он. — Обязаны ли все люди поступать так, как учит Толстой, т.е. исполнять 5 заповедей Христа?"

Так и ждешь, что на этот существенный вопрос, который один только и мог побудить человека писать статью о книге, человек скажет, что это толкование учения Христа верно и что надо следовать ему, или скажет, что такое толкование неверно; докажет, почему, и даст другое правильное толкование тех слов, которые я неправильно толкую. Но ничего подобного не делается. Фаррар выражает только "убеждение", что — "Толстой, хотя и

руководимый самой благородной искренностью, впал в заблуждение частных и односторонних толкований смысла Евангелия и разума (mind) и воли Христа".

В чем это заблуждение, не разъясняется, а говорится только: "Входить в доказательства этого невозможно в этой статье, потому что я уже и так превзошёл количество листов, предоставленных мне".

И он со спокойным духом заключает:

"Между тем, если читатель чувствует себя смущённым мыслью о том, что он обязан, как христианин, так же как и Толстой, покинуть свои привычные условия жизни и жить как простой работник, то пусть он успокоится и держится принципа: "Securus judicat orbis terrarum" (Весь мир судить легкомысленно). "За малыми исключениями, — продолжает он, — всё христианство от апостольских времен до наших дней пришло к убеждению, что цель Христа состояла в том, чтобы дать людям великий принцип, но не в том, чтобы разрушить основы учреждения всего человеческого общества, которое утверждается на божеском установлении (sanction) и на необходимости. Если бы моей задачей было доказать, как невозможно учение коммунизма, основываемое Толстым на божественных парадоксах (sic), которые могут быть истолковываемы только на основании исторических принципов в согласии со всеми методами учения Христа, — это потребовало бы более места, чем я имею в своём распоряжении".

Экое горе, места ему нет! И странное дело, никому вот уже **15** веков нет места доказать то, что Христос, которого мы исповедуем, говорил совсем не то, что он говорил. А доказать они могли бы, если бы захотели. Впрочем, и не стоит доказывать то, что всем известно. Довольно сказать: "Securus judicat orbis terrarum".

И таковы без исключения все критики культурных верующих людей и потому понимающих опасность своего положения. Единственный выход из него для них — надежда на то, что, пользуясь авторитетом церкви, древности, святости, можно запугать читателя, отвлечь его от мысли самому прочесть Евангелие и самому своим умом обдумать вопрос. И это удаётся.

Кому в самом деле придет в голову то, что всё то, что с такой уверенностью и торжественностью повторяется из века в век всеми этими архидиаконами, епископами, архиепископами, святейшими синодами и папами, что всё это есть гнусная ложь и клевета, взводимая ими на Христа для, обеспечения денег, которые им нужны для сладкой жизни на шеях других людей, ложь и клевета до такой степени очевидная, особенно теперь, что единственная возможность продолжать эту ложь состоит в том, чтобы запугивать людей своей уверенностью, своей бессовестностью…

Такое же впечатление производят статьи не одного Фаррара, но все те торжественные проповеди, статьи и книги, которые появляются со всех сторон, как только где-нибудь проглянет истина, обличающая царствующую

ложь. Тотчас же начинаются длинные, умные, изящные, торжественные разговоры или писания о вопросах, близко касающихся предмета с искусным умолчанием о самом предмете.

В этом состоит пятый и самый действительный способ устранения того противоречия, в которое поставило себя церковное христианство, исповедуя на словах Христа и отрицая в жизни его учение и научая этому людей.

Те, которые оправдываются по первому способу, прямо, грубо утверждая, что Христос разрешил насилие: войны, убийства, — сами себя отвергают от учения Христа; те, которые защищаются по второму, третьему и четвертому способу, сами путаются, и их легко уличить в их неправде, но эти последние, не рассуждающие, не удостаивающие рассуждать, а прячущиеся за своё величие и делающие вид, что всё это ими или ещё кем-то уже давно решено и не подлежит уже никакому сомнению, — эти кажутся неуязвимыми и будут неуязвимы до тех пор, пока люди будут находиться под действием гипнотического внушения, наводимого на них правительствами и церквами, и не встряхнутся от него.

Так относились к моей книге духовные, т.е. исповедующие веру в Христа. И иначе им нельзя было отнестись: их связывает то противоречие, в котором они находятся — веры в божественность учителя и неверия в его самые ясные слова, — из которого им надо как-нибудь выпутываться, и потому нельзя было ожидать от них свободных суждений о самой сущности вопроса, о том изменении жизни людей, которое вытекает из приложения учения Христа к существующему порядку. Такого рода суждений я ожидал **от светских, вольнодумных критиков**, которые ничем не связаны с учением Христа и могут свободно смотреть на него. Я ожидал, что вольнодумные писатели посмотрят на Христа не только как на установителя религии поклонения и личного спасения (как его понимают церковники), а, выражаясь их языком, и как на реформатора, разрушающего старые и дающего новые основы жизни, реформа которого не совершилась ещё, а продолжается и до сих пор.

Такой взгляд на Христа и его учение вытекает из моей книги.

Но, к удивлению моему, из числа в большом количестве появившихся на мою книгу критик, не было **ни одной**, ни русской, ни иностранной, которая трактовала бы предмет с той самой стороны, с которой он изложен в книге, т.е. которая посмотрела бы на учение Христа как на философское, нравственное и социальное (говоря опять языком научных людей) учение. Ни в одной критике этого не было.

Русские светские критики, поняв мою книгу так, что всё её содержание сводится к непротивлению злу, и поняв самое учение о непротивлении злу (вероятно, для удобства возражения) так, что оно будто бы запрещает всякую борьбу со злом, русские светские критики с раздражением напали на это учение и весьма успешно в продолжение нескольких лет доказывали, что

учение Христа неправильно, так как оно запрещает противиться злу. Их опровержения этого **м н и м о г о** учения Христа были тем более успешны, что они вперёд знали, что их рассуждения не могут быть ни опровергаемы, ни исправляемы, так как цензура, не пропустив книги, не пропускала и статей в защиту её.

Замечательно при этом то, что у нас, где нельзя сказать слова о священном писании без запрета цензуры, несколько лет во всех журналах извращалась, критиковалась, осуждалась, осмеивалась прямо и точно выраженная заповедь Христа **(Мф. V, 39)**.

Русские светские критики, очевидно не зная всего того, что было сделано по разработке вопроса о непротивлении злу, и даже иногда как будто предполагая, что это я лично выдумал правило непротивления злу насилием, нападали на самую мысль, опровергая, извращая её и с большим жаром выставляя аргументы, давным-давно уже со всех сторон разобранные и опровергнутые, доказывали, что человек непременно должен (насилием) защищать всех обиженных и угнетённых и что поэтому учение о непротивлении злу насилием есть учение безнравственное.

Всем русским критикам всё значение проповеди Христа представлялось только в том, что она как будто им назло мешает известной деятельности, направленной против того, что ими в данную минуту считается злом, так что выходило, что на принцип непротивления злу насилием нападали два противоположные лагеря: консерваторы потому, что этот принцип препятствовал их деятельности противления злу, производимому революционерами, их преследованиям и казням; революционеры же потому, что этот принцип препятствовал противлению злу, производимому консерваторами и их ниспровержению. Консерваторы возмущались тем, что учение о непротивлении злу насилием препятствует энергическому подавлению революционных элементов, могущих погубить благосостояние народа; революционеры возмущались тем, что учение о сопротивлении злу насилием препятствует ниспровержению консерваторов, губящих благосостояние народа. Замечательно при этом то, что революционеры нападали на принцип непротивления злу насилием, несмотря на то, что он самый страшный и опасный для всякого деспотизма, так как с тех пор, как стоит мир, на противоположном принципе, необходимости противления злу насилием, основывались и основываются все насилия, от инквизиции до Шлиссельбургской крепости.

Кроме того, русские критики указывали и на то, что приложение к жизни заповеди о непротивлении злу насилием своротило бы человечество с того пути цивилизации, по которому оно идет. Путь же цивилизации, по которому идет европейское человечество, есть, по их мнению, тот самый, по которому и должно всегда идти всё человечество.

Таков был главный характер русских критиков.

Иностранные критики исходили из тех же основ, но рассуждения их о моей книге несколько отличались от рассуждений русских критиков не только меньшей раздражительностью и большей культурностью, но и по существу дела.

Рассуждая о моей книге и вообще о евангельском учении, как оно выражено в Нагорной проповеди, иностранные критики утверждали, что такое учение не есть собственно христианское (христианское учение, по их мнению, есть католицизм и протестантство) — учение же Нагорной проповеди есть только ряд очень милых непрактических мечтаний du charmant docteur, как говорит Ренан, годных для наивных и полудиких обитателей Галилеи, живущих за **1800** лет назад, и для русских полудиких мужиков — Сютаева, Бондарева и русского мистика Толстого, но никак не приложимых к высокой степени европейской культуры.

Иностранные светские критики тонким манером, не оскорбляя меня, старались дать почувствовать, что суждения мои о том, что человечество может руководиться таким наивным учением, как Нагорная проповедь, происходит отчасти от моего невежества, незнания истории, незнания всех тех тщетных попыток осуществления в жизни принципов Нагорной проповеди, которые были делаемы в истории и ни к чему не привели, отчасти от непонимания всего значения той высокой культуры, на которой со своими крупповскими пушками, бездымным порохом, колонизацией Африки, управлением Ирландии, парламентом, журналистикой, стачками, конституцией и Эйфелевой башней стоит теперь европейское человечество.

Так писал **Vogue**, так писал **Leroy Beaulieu**, так писал **Матью Арнольд**, так писал американский писатель **Савадж и Ингерзаль**, популярный американский свободомыслящий проповедник, и многие другие.

"Учение Христа не годится, потому что не соответствует нашему индустриальному веку", — наивно говорит Ингерзаль, выражая этим с совершенной точностью и наивностью то самое, что думают утончённо образованные люди нашего времени об учении Христа. Учение не годится для нашего индустриального века, точно как будто то, что существует индустриальный век, есть дело священное, которое не должно и не может быть изменено. Вроде того, как если бы пьяницы против советов о том, как им привести себя в трезвое состояние, отвечали бы, что эти советы неуместны при их алкоголическом состоянии.

Рассуждения всех светских писателей, как русских, так и иностранных, как ни различен их тон и манера доводов, все в сущности сводятся к одному и тому же странному недоразумению, именно к тому, что учение Христа, одно из последствий которого есть непротивление злу насилием, непригодно нам, потому что оно требует изменения нашей жизни.

Учение Христа негодно, потому что, если бы оно было исполнено, не могла бы продолжаться наша жизнь; другими словами: если бы мы начали

жить хорошо, как нас учил Христос, мы не могли бы продолжать жить дурно, как мы живем и привыкли жить. Вопрос же о непротивлении злу насилием не только не обсуждается, но самое упоминание о том, что в учение Христа входит требование непротивления злу насилием, уже считается достаточным доказательством неприложимости всего учения.

А между тем, казалось бы, необходимо указать хоть на какое-нибудь решение этого вопроса, так как он стоит в основе почти всех дел, которые занимают нас.

Вопрос ведь состоит в том: каким образом разрешать столкновения людей, когда одни люди считают злом то, что другие считают добром, и наоборот? И потому считать, что зло есть то, что я считаю злом, несмотря на то, что противник мой считает это добром, не есть ответ. Ответов может быть только два: или тот, чтобы найти верный и неоспоримый критериум того, что есть зло, или тот, чтобы не противиться злу насилием.

Первый выход был пробован с начала исторических времен и, как мы все знаем, не привёл до сих пор к успешным результатам.

Второй ответ — не противиться насилием тому, что мы считаем злом, до тех пор, пока мы не нашли общего критериума, — этот ответ предложен Христом.

Можно находить, что ответ, данный Христом, неправилен; можно выставить на место его другой, лучший, найдя такой критериум, который для всех несомненно и одновременно определял бы зло; можно просто не сознавать сущности вопроса, как не сознают этого дикие народы, но нельзя, как это делают учёные критики христианского учения, делать вид, что вопроса никакого вовсе и не существует или что признание за известными лицами или собраниями людей (тем менее, когда эти люди мы сами) права определять зло и противиться ему насилием разрешает вопрос; тогда как мы все знаем, что такое признание нисколько не разрешает вопроса, так как всегда есть люди, не признающие за известными людьми или собраниями этого права.

А это-то признание того, что то, что нам кажется злом, то и есть зло, или совершенное непонимание вопроса, и служит основой суждений светских критиков о христианском учении, так что суждения о моей книге, как церковных, так и светских критиков, показали мне то, что большинство людей прямо не понимают не только самого учения Христа, но даже и тех вопросов, на которые оно служит ответом.

ОТНОШЕНИЕ ПЕРВЫХ ХРИСТИАН К ВОЙНЕ

"Безумствует мир во взаимном кровопролитии, и убийство, считаемое преступлением, когда люди совершают его поодиночке, именуется добродетелью, если делается скопищем". Так писал в третьем веке знаменитый **Киприан**, говоря про воинство.

Так же относилась к войне и вся христианская община первых веков до пятого века. Христианская община определённо признавала в лице своих руководителей, что христианам запрещено всякое убийство, а потому и убийство на войне.

Перешедший в христианство во втором веке философ **Татиан** считает убийство на войне так же недопустимым для христиан, как и всякое убийство, и почётный воинский венок считает непристойным для христианина. В том же столетии **Афинагор Афинский** говорит, что христиане не только сами никогда не убивают, но и избегают присутствовать при убийствах.

В третьем столетии **Климент Александрийский** противопоставляет языческим "воинственным" народам "мирное племя христиан". Но всего яснее выразил отвращение христиан к войне знаменитый **Ориген**. Прилагая к христианам слова Исаии, что придёт время, когда люди перекуют мечи на серпы и копья на плуги, он совершенно определённо говорит: "Мы не поднимаем оружия ни против какого народа, мы не учимся искусству воевать, ибо через Иисуса Христа мы сделались детьми мира". Отвечая на обвинение Цельзом христиан в том, что они уклоняются от военной службы, так что, по мнению Цельза, если только Римская империя сделается христианской, она погибнет, Ориген говорит, что христиане больше других сражаются за благо императора, сражаются за него добрыми делами, молитвой и добрым влиянием на людей. Что же касается борьбы оружием, то совершенно справедливо, говорит Ориген, что христиане не сражаются вместе с императорскими войсками и не пошли бы даже в том случае, если бы император их к этому принуждал.

Так же решительно высказывается и **Тертуллиан**, современник Оригена, о невозможности христианину быть военным. "Не подобает служить знаку Христа и знаку дьявола, — говорит он про военную службу, — крепости света и крепости тьмы; не может одна душа служить двум господам. Да и как воевать без меча, который отнял сам Господь? Неужели можно упражняться мечом, когда Господь сказал, что каждый, взявшийся за меч, от меча погибнет? И как будет участвовать в сражении Сын мира?"

В четвертом веке **Лактанций** говорит то же. "Не должно быть никакого исключения в заповеди Божьей, что убить человека всегда грех, — говорит

он. — Носить оружие христианам не дозволено, ибо их оружие — только истина". В правилах египетской церкви третьего века и в так называемом "Завещании Господа нашего Иисуса Христа", безусловно, запрещено всякому христианину поступать на военную службу под страхом отлучения от церкви.

В "Деяниях святых" много примеров христианских мучеников первых веков, пострадавших за отказ продолжать службу в римских легионах.

Так, **Максимилиан**, приведённый в присутствие по отбыванию воинской повинности, на первый вопрос проконсула о том, как его зовут, отвечал: "Моё имя христианин, и потому я сражаться не могу". Несмотря на это заявление, его зачислили в солдаты, но он отказался от службы. Ему было объявлено, что он должен выбрать между отбыванием воинской повинности и смертью. Он сказал: "Лучше умру, но не могу сражаться". Его отдали палачам.

Марцеллий был сотником в Троянском легионе. Поверив в учение Христа и убедившись в том, что война — нехристианское дело, он в виду всего легиона снял с себя военные доспехи, бросил их на землю и объявил, что, став христианином, он более служить не может. Его посадили в тюрьму, но он и там говорил: "Нельзя христианину носить оружие". Его казнили.

Вслед за Марцеллием отказался от военной службы служивший в том же легионе **Касьян**. Его также казнили. При Юлиане Отступнике отказался продолжать военную службу Мартын, воспитавшийся и выросший в военной среде. На допросе, сделанном ему императором, он сказал только: "Я — христианин и потому не могу сражаться" *).

Первый вселенский собор (325 г.) ясно определил строгую эпитимию за вторичное поступление в войска христиан, оставивших службу. Подлинные слова этого постановления в переводе, **признанном православною церковью**, таковы:

---

*) "…Я перечитал наново лекции покойного друга моего Филиппа Алексеевича Терновского по церковной истории [“Три века христианства”, Киев, **1877**] и нашёл в них нечто, чего как будто не замечал прежде. Упоминается о направлении, которое обнаружилось в **III** веке (в **IV** в. — ред.) у христиан в Севастии, — что они признавали войну делом непримиримым с христианскою верою, и воевать не хотели, но в солдаты шли, когда их забирали насильно, но там (в службе) опять оружия для нанесения смерти и ран в руки не брали, а чтобы отстоять своё убеждение, — безропотно подвергались мучительствам и позорной смерти. Таких, "святых мучеников, **иже в Севастии**" — поминает и наша греко-восточная церковь". (Из письма Н. С. Лескова к Л. Н. Толстому от **26** июня **1888** г.)

Сведения о севастийских мучениках и литература о них содержались также в книге: Ив. Косолапов. “Месяцеслов православной кафолической церкви”, 1-е изд.: Казань, **1874**., 2-е изд.: Симбирск, **1880**.

*"Благодатию призванные к исповедыванию веры и первый порыв ревности явившие и отложившие воинские поясы, но потом, аки псы, на свою блевотину возвратившиеся... таковые **10** лет да припадают к церкви, прося прощения, по трилетнем слушании Писания в притворе".*

Оставшимся в войсках христианам вменялось в обязанность во время войны не убивать врагов. Ещё в четвёртом веке **Василий Великий** рекомендует в течение трёх лет не допускать до причащения солдат, виновных в нарушении этого постановления.

Таким образом, не только в первые три века христианства, во время гонений на христиан, но и в первые времена торжества христианства над язычеством, когда христианство было признано господствующей, государственной религией, в среде христиан ещё держалось убеждение, что война несовместима с христианством.

Ферруций высказал это определённо и решительно (и был за это казнён): "Не дозволено христианам проливать кровь, даже в справедливой воине и по приказу христианских государей".

В четвёртом веке **Люцифер, епископ Кальярский**, учит, что даже самое дорогое для христиан благо — свою веру — они должны защищать "не убийством других, а собственной смертью".

Павлин, епископ Ноланский, умерший в **431** году, ещё грозил вечными муками за службу кесарю с оружием в руках.

Таков был взгляд христиан первых четырёх веков на отношение христианства к военной службе.

Составлено Н.Н.Гусевым под ред. Л.Н.Толстого по книгам М. А. Таубе "Христианство и международный мир" и Теодора Руинарта "Деяния первых мучеников".

При Константине же на знамёнах римских легионов уже появился крест. А в **416** году был издан указ о том, чтобы не допускать в армию язычников. Все солдаты стали христианами, то есть все христиане, за самыми малыми исключениями отреклись от Христа.

Так проходят века. Как бы в насмешку над христианством совершаются крестовые походы, во имя христианства совершаются ужасающие злодейства, и те редкие люди, удержавшие основные начала христианства, не допускающие насилия: манихеи, монтанисты, катары и другие, вызывают в большинстве людей только презрение или гонение.

Но истина, как огонь, прожигает понемногу все скрывающие её покровы и всё ярче и ярче начинает выступать перед людьми, волей-неволей привлекая к себе внимание.

Л.Н.Толстой

Л. Н. Толстой

ПЁТР ХЕЛЬЧИЦКИЙ

Существует написанная более **450** лет тому назад неучёным человеком, Петром из деревни Хельчицы, книга, почти совсем неизвестная.

В книге этой, озаглавленной "Сеть веры", мы находим не только простое, ясное, сильное и правдивое обличение того ужасного обмана, в котором жили и живут люди, веруя в самое чуждое истинному христианству и воображая, что они исповедуют христианское учение; мы находим в этой книге ещё и ясное указание того единого благого пути жизни, который открыт был людям Христом…

Главное сочинение Хельчицкого, "Сеть веры", есть указание на то, чем должно бы быть христианское общество по учению его основателя и чем оно стало при извращённом учении…

Хельчицкий, как в этой книге, так и в других своих сочинениях, не оспаривает, как предшественник его Гус и как жившие и действовавшие после него Лютер, Меланхтон, Кальвин, церковные папские установления и догматы, он только показывает то, что жизнь людей, считающих себя христианами, не христианская; что христианин не может пользоваться властью, не может владеть землями или рабами, не может роскошничать, не может жить распутной жизнью, не может казнить, не может, главное, убивать и воевать.

Хельчицкий не спорит о спасении делами или верою, о предопределении и вообще о догматах; он требует только того, чтобы все постановления церкви были доступны пониманию народа. Он не отрицает их, но говорит о жизни христиан, показывает, что земные владыки, войско, суды, дворянство несовместимы с христианской жизнью (он даже считает городское сословие несовместимым с христианством). Главное же, он показывает, что казни и войны немыслимы для христианина. Он показывает, что соединение христианства с государством — то, которое совершилось теперь, — погубило, уничтожило христианство, но что должно быть наоборот: христианство, соединясь с государством, должно уничтожить государство.

И он доказывает, что это возможно, что отсутствие государственной власти не только не уничтожает порядка в жизни людей, но уничтожает беспорядок и зло, от которого страдают люди.

В этом и причина неизвестности книги и деятельности Хельчицкого. Книга и деятельность Хельчицкого в области христианского человечества занимает то же положение, которое занимает христианство в области всего

человечества. Она слишком опережает своё время. Пора её плодов ещё не настала. Уничтожение папского авторитета, индульгенций и многое другое, сделанное Лютером, было по силам современных ему людей, но то, что говорил Хельчицкий, не могло быть принято не потому, что оно неясно или несправедливо, — всё, что он говорил, напротив, слишком ясно и справедливо, — а потому, что то, что он говорил, слишком опережало своё время.

То, чего требовал Хельчицкий, не может быть принято и теперь, тем менее могло быть принято в его время. Опровергнуть то, что говорил Хельчицкий, нельзя было; по крайней мере тогда люди были ещё настолько честны, что считали невозможным отрицать то, что Христос учил тому, чему учил, т.е. чтобы люди любили не только любящих их, но врагов, переносили обиды, платили, добром за зло и считали всех людей братьями, и что такое учение несовместимо с существующим устройством жизни. И потому неизбежно возникал вопрос: что удержать — христианство или установленное устройство?

Если удержать христианство, то ясно, что власть имеющим надо отказаться от власти, богатым отказаться от богатства, средним отказаться от обеспечения себя насилием, бедным и подвластным отказаться от повиновения тому, что противно христианскому закону (а в государстве вся общественная деятельность противна христианскому закону), и поэтому подвергать себя гонениям. И всё это страшно.

Если же удержать существующее устройство, зная, что оно нехристианское, то это значит отречься от христианства. И это тоже страшно. Что же оставалось делать? Одно: забыть то, что говорил Христос, что говорил Хельчицкий и говорила совесть; и не думать, не говорить про это.

В этом причина неизвестности Хельчицкого и его книги.

Книгу замолчали, забыли её. Если десяток учёных знает про неё, то они смотрят на неё только как на исторический, литературный памятник.

Но духовные богатства человечества никогда не погибают, а только доходят, как жёсткие плоды. И чем дольше они дожидаются своего времени, тем они ценнее. То же и с Хельчицким и его книгой…

И о самом Хельчицком почти ничего неизвестно. Предполагают, что он родился около **1390** года и умер около **1450**. Одни думают, что он был дворянин, другие — что он был крестьянин, сапожник или земледелец. Я думаю, что он был земледелец.

О том, что он был земледелец, мужик, я заключаю, во-первых, по сильному, простому, ясному языку книга, во-вторых, по мудрости книги, вследствие которой автор всегда знает, что важно, что менее важно, и всегда на первое место ставит важное, в-третьих, по той сердечности и

наивности, с которой он иногда по-мужицки, грубо и сильно, с негодованием, иногда с горькой насмешкой говорит о том, о чём, очевидно, болеет душою.

"Сеть веры" — старая книга по времени, по значению же и содержанию своему — это самая новая книга, настолько новая, что люди нашего времени ещё далеко не подготовлены истинным просвещением к тому, чтобы быть в состоянии понимать её. Но время её придёт и приходит.

Ведь христианство не человеческая выдумка, не одна из временных форм, в которые складываются человеческие общества, но истина, — если не на каменных скрижалях на Синае появившаяся, то ещё тверже, чем на камне, написанная на сердцах всех людей. И как только она высказана, ничего уж нельзя выцарапать из сознания людей. Истина эта ждала и будет ждать ещё, но от этого только очевиднее сделается и только настоятельнее будет требовать своего исполнения.

Вычеркнуть из христианства нельзя то, что христиане, как говорит Хельчицкий, должны "не быть участниками мудрости мирской", не быть чиновниками, судьями, военными, а переносить все несправедливости смиренно, терпеливо, не отплачивая злом за зло, не ропща и не мстя. Сколько ни старались и ни стараются разговорить эти истины, — истины эти остаются истинами и сквозь все веками придуманные для скрытия их софизмы продолжают прямо, непосредственно захватывать сердца людей.

Как же быть? До сих пор решали дилемму тем, что замалчивали христианство или грубо лгали на него и удерживали государство.

Но не миновать людям попробовать и другое, противоположное решение, отказаться от государства и отдаться христианству.

И решение тем более будет благоразумно, что все государства со своим насильническим устройством до сих пор не только не дали тех благ, которые обещали, а, напротив, всё больше и больше увеличивают те бедствия, которые несут люди, и люди всё больше и больше изверяются в них.

Вот этому-то новому и благому решению и содействует эта мудрая, сердечная и нужная книга Хельчицкого.

Пётр Хельчицкий

ЗАКОН БОГА И ЗАКОН МИРА СЕГО

(Из книги «Сеть веры»)

Одна только **вера** может сохранить человека в мире от заблуждений и козней дьявола: она одна учит нас распознавать добро и зло; ею одною мы приобщаемся предметам духовным и божественным.

В наше время верят многому тому, чему не следует верить; истинную веру христианскую считают заблуждением и ересью, а мёртвые обычаи принимают за веру. Между людьми произошло разделение: **одна сторона обвиняет другую в ереси**, и из-за этого возникают войны и распри, убийства, сожжение людей и многие другие грехи; так что веру теперь не легко узнать, ибо вся она смердит ересью и враждою. В таких обстоятельствах разумные люди должны хранить истинную веру, которая изложена апостолами и единожды дана была Богом через И. Христа, и не увлекаться теми новыми верованиями, к которым теперь побуждают людей.

Между первыми христианами апостолы установили равенство: никто не был ничем обязан друг другу, но все должны были любить друг друга и служить друг другу из любви, составляя одно тело, соединённое из многих членов, и имея главою Христа. Между ними не было правителей с языческими должностями: судей, городских советников. Хотя христиане жили под властью язычников, которым должны были платить дань, но сами не занимали языческих должностей. **Так продолжалось более трёхсот лет**, до Константина: он первый вмешался в среду христиан с языческим господством и с чиновниками, которые приличествовали язычникам. Цель, к которой вели христиан апостолы, была гораздо возвышеннее и совершеннее, чем та, которую преследовали языческие власти, ибо составлять одно тело и руководиться одним духом Божиим в целях религиозных и нравственных гораздо выше, чем соблюдать ту земную справедливость, которая поддерживается языческими властями посредством разных принудительных мер.

Суды в судилищах хотя и помогают возвращению отнятой собственности, вводят в грехи, от которых христиане не иначе могут избавиться, как отказавшись от таких судов. Христиане не должны никому причинять несправедливость и никого не обманывать, а причинённую **несправедливость должны терпеливо переносить, не воздавая злом за зло**.

Взаимные отношения, установленные апостолам и между первыми христианами, основаны были на законе Христове, который определяет, как должно поступать с противниками веры, соблазнителями, еретиками: их нужно увещевать и обличать **сначала один на один**, в случае же неуспеха — при свидетелях, наконец, поведать о них церкви; если же они и церковь преслушают, то поступать с ними, как с язычниками и мытарями, т.е. не общаться с ними. В таком же смысле апостол запрещает общение с прелюбодеями и др. Такое евангельское устройство общества скорее может исправить испорченный род человеческий, чем языческое, при помощи царей земных и городских судей: при первом грешник может снова приобресть благодать Божию, которой лишили его грехи, а при втором всем таким грешникам определена смерть.

Итак, одного закона Христова было вполне достаточно для устроения общин первых христиан, и, руководясь им одним, они преуспевали в нравственном отношении; но потом, когда примешались к ним два закона, гражданский и папский, нравственность стала падать. Это признают те, которые пишут хроники, и мы своими глазами видим, как эти два закона разрушают и умерщвляют веру и закон Божий. Поэтому мы, поздние потомки, сидя как бы под тенью этих законов, неуверенно говорим о законе Божием и управлении Божием, ибо тьма этих двух законов заслоняет очи. Поэтому, так сказать, ощупью и гадая, я задаю вопрос: **достаточно ли закона Христова**, без приданных к нему законов человеческих, для того чтобы основать и устроить здесь, на земном пути, вполне христианскую религию? Я отвечаю, хотя и с трепетом: да, достаточно и теперь, потому что и прежде его было достаточно для устроения христианского общества. Закон Христов не ослабляется **ни от сопротивлений**, которые ему оказывают, **ни от множества** обращённых к нему: напротив, от этого он приобрёл ещё большую силу, а потому его одного всегда достаточно. Далее, если его было **достаточно для обращения** неверующих к вере, **то достаточно и для устроения** в жизни и нравах, ибо последнее легче. А так как управление при помощи учения Христова лучше, чем с помощью человеческих примесей, то кто усомнится, что люди были бы совершеннее, руководясь законом Божиим, чем напояя себя, как ядом, разными примесями.

Право гражданское, или **право языческих царей**, имеет цель установить между людьми справедливость во всём, что касается тела человека и телесного имущества; напротив, право евангельское имеет целью духовное совершенствование людей. Так как язычники полагают своё благо только в безопасности тела и имущества, то они и держатся гражданского управления. Точно так же и те христиане, которые обратились в язычество, отвергнув Бога и его закон, и стремятся только к земным удовольствиям, к свободе и покою в мире, к телесному обогащению, те

также стоят за светскую власть, которая ублажает их желаниям, а в случае опасности, угрожающей их жизни или имуществу, употребляет в дело оружие или даёт возможность судом возвратить потерянную собственность. Справедливость, которую стремится водворить светская власть, необходима для самих правителей: если бы один пошёл на другого и вообще делал зло другому, то и царство бы разрушилось. О других добродетелях светская власть не заботится и потому кроме несправедливости допускает всякие другие грехи.

Управление Христово устрояет человека духовно в добродетелях и приводит его к такой невинности, при которой он может угодить Богу и заслужить награду в вечности. При этом управлении человек совершенно иначе относится к телесным лишениям: не мстит за них и не ищет удовлетворения на суде, терпеливо переносит их.

Между христианами установлено было равенство, и никто не должен был возвышать себя над другими; поэтому истинный христианин никогда не посмел бы сделаться царем над христианами. Кроме того, для христиан обязательна апостольская заповедь — друг друга тяготы носить: **как же добрый христианин может решиться сам быть бременем для других, сделавшись царем?**

Вызвать в человеке любовь к Богу нельзя принудительными мерами: она основана на свободной воле человека и порождается словом Божиим. Если же царь будет исправлять злых людей проповедью слова Божия, то он обратится в священника и не станет прибегать к той власти, которая не иначе исправляет людей, как только вешая их…

Ни один человеческий закон не может в такой степени содействовать нравственному совершенствованию людей, как закон Божий. Закон Моисеев был хороший закон, но христианский правитель не может руководствоваться этим законом, так как он уже перенесён и заменён другим законом — законом Христовым, а закон Христов весь основан на любви к Богу и ближнему…

По учению римской церкви, светская власть основана на св. писании и прежде всего на следующем тексте: "Спрашивали его также и воины: а нам что делать? И сказал им: никого не обижайте, не клевещите и довольствуйтесь своим жалованьем" (Луки **III, 14**).

Эти слова сами по себе не могли бы наточить меча христианам, дабы они могли ими проливать человеческую кровь, но великий столп церкви римской (Августин), который сильно поддерживает её, чтобы она не пала, придал этому месту смысл острого меча между христианами. Он выражается так: "Если бы христианское учение совершенно осуждало войну, то обратившимся к Иоанну воинам скорее был бы дан спасительный совет сложить оружие и оставить воинское звание; если же он велит им быть

довольными своими оброками, то воинского звания не отвергает и войну не порицает".

Второе место, на которое ссылается римская церковь, следующее: "Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены" и т.д. (Римл. **XIII, 1** и дал.). Это главное основание, на котором утверждают светскую власть учёные, и один магистр Пражского университета сказал мне, что и я должен признавать это, а если не признаю, то буду еретиком.

Вот ещё некоторые из доводов магистра в доказательство того, что закон человеческий, наказывающий людей за некоторые поступки смертью, не противоречит закону Божию: **1)** заповедь "не убий" не запрещает наказание виновных смертью, ибо в таких случаях не судья убивает, а закон его к этому понуждает; **2)** Бог размножает жизнь и смерть, поэтому он может и убить: Аз убию и жити сотворю; цари же поставлены Богом и потому могут так же поступать; **3)** ап. Павел говорит: "Таковая творящий достойни смерти суть и небо без ума меч носит"; **4)** в Евангелии: "Врагов же моих, тех, которые не хотели, чтобы я царствовал над ними, приведите сюда и избейте предо мною"; **5)** Киприан по поводу ветхозаветной заповеди убивать идолопоклонников говорит, что, если такая заповедь была до пришествия Христова, тем более она должна соблюдаться по его пришествии, как это подтверждается словами ап. Павла: "Таковая творящий достойни смерти суть".

В таком же роде толкуют заповедь "не убий" Августин и Иероним.

Так же рассуждает об этом св. Григорий и снова св. Августин. Из всех этих доводов выходит, что Бога хотят учинить двуустым так, чтобы одним устами он говорил: не убий, а другими — убий.

Иисус теперь очень беден; не ходят больше за ним толпы народа, разве какой-нибудь отверженный и неразумный жалко тащится за ним, как муха из помой. Зато учёные очень богаты и славны в свете, много породили слуг Божиих с мечом, и весь мир взирает на них. Взглянет мудрый света на Иисуса, увидит, что он покинут всеми, облечён бедностью, терпит невзгоды, и бросит его и пойдет к ученым, что, по законам своим, целыми толпами служат Богу в церквах, на войне, при пытках, в государственных учреждениях под позорными столбами и у виселиц. За такую широкую службу Богу и ухватится мудрый света, а за Иисусом пойдет только безумец, и свет освищет его.

Более всего противна учению Христову служба мечом потому что вся она состоит в оплате злом за зло. Хотя и оговариваются, что меч поднимается за дело не своё, а Божье; но Бог ведает, насколько искренняя эта оговорка: если бы так было, то люди, за причинённые себе обиды и несправедливости, не мстили бы; на деле же оказывается, что они не оставляют без возмездия самой лёгкой обиды словом, а поругание Богу

допускают. Христос, напротив, заповедал любить врагов своих и платить им добром за зло. Не принятый самарянами, он не позволил апостолам низвести огонь с неба. Христос больше заботился о душах врагов своих, чем о своих временных страданиях. Если бы люди верили словам Христа и следовали его примеру, то не было бы войн на земле. И битвы, и иные убийства, и всякие враждебные посягательства на других, и всякое возмездие злом за зло происходит только оттого, что не любим врагов своих и не переносим с терпением причиняемые нам обиды.

С устройством истинно христианского общества, указанным в св. писании, меч и все деяния его, т.е. бои и всякие кровопролития, не имеют ничего общего, как противные призванию христиан и тем добродетелям, которые им приличествуют. Христиане соединены одною верою Христовой, молятся друг за друга: остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим, связаны между собою союзом любви и мира; может ли, после всего этого, какой-нибудь из давних монахов, прославленных святыми, доказать на основании веры, что у христиан должны быть бои и убийства? Христиане, воздвигающие войны и совершающие другие кровопролития, только по имени христиане и последуют язычникам, с тою только разницею, что язычники не знали Бога и не имели участия в тех духовных благах, на которые имеют притязание христиане. Нельзя сравнивать бои между христианами и с боями иудейскими, ибо последние были допущены законом.

Христиане, убивающие друг друга в боях, во всяком случае, лишены участия в духовных благах, обетованных Христом. Если они будут оправдываться тем, что им приходится иметь слишком много дела со светом, и потому некогда думать о высших духовных предметах и постигать их, в таком случае им можно ответить коротко: напрасно они веруют во Христа, напрасно крестятся. Если же христиане считают себя участниками в страданиях Христовых и надеются на спасение, а в то же время распинают в себе Христа, убивая друг друга, тогда их ждёт наказание и проклятия большие, чем язычников.

Бои между христианами противны закону христианской любви, который возбраняет всякое враждебное посягательство на ближнего, на его тело, душу, имущество, честь, — делом или словом, а учит переносить безропотно несправедливости, которые причиняют нам другие.

Взаимные же отношения между христианами апостол определяет так: "Не оставайтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви (Римл. **XIII, 8**). В этих словах сказывается разница между делами веры и делами языческого господства: одни не могут быть другими. Поэтому и соединение язычества с христианством не могло состояться в самом начале. Вначале одни находили утешение пить кровь Христову, другие проливать кровь человеческую; теперь же и те и другие соединились в общем служении Богу: пьют кровь Христову и точат кровь своих ближних.

Л. Н. Толстой

ГАРРИСОН И ЕГО "ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ"

Гаррисон как человек просвещённый светом христианства, начав с практической цели — борьбы с рабством, — очень скоро понял, что причина рабства не случайное, временное завладение южанами несколькими миллионами негров, но давнишнее и всеобщее, противное христианскому учению признание права насилия одних людей над другими. Поводом к признанию этого права всегда было то зло, которое люди считали возможным искоренить или уменьшить грубой силой, т.е. злом же. И, поняв это, Гаррисон выставил против рабства не страдания рабов, не жестокости владельцев, не гражданскую равноправность людей, а вечный христианский закон непротивления злу насилием, non resistance. Гаррисон понимал то, чего не понимали самые передовые борцы против рабства: что единственным неопровержимым доводом против рабства было отрицание права одного человека на свободу другого при каких бы то ни было условиях. Аболюционисты старались доказать, что рабство незаконно, невыгодно, жестоко, развращает людей и т.п., но сторонники рабства столь же основательно доказывали несвоевременность, опасность и вредные последствия, могущие произойти от освобождения. И ни те, ни другие не могли убедить друг друга. Гаррисон же, понимая, что рабство негров было только частным случаем всеобщего насилия, выставил общий принцип, с которым нельзя было не согласиться, — тот, что ни один человек ни под каким предлогом не имеет права властвовать, т.е. употреблять насилие над себе подобными. Гаррисон не столько настаивал на праве рабов быть свободными, сколько отрицал право какого бы то ни было человека или собрания людей принуждать к чему-нибудь силою другого человека. Для борьбы с рабством он выставил принцип борьбы со всем злом мира.

Выставленный Гаррисоном принцип этот был неопровержим, но он затрагивал, разрушал все основы установившегося порядка, и потому люди, дорожащие своим положением при существующем порядке, испугались провозглашения и тем более приложения к жизни этого принципа, старались замолчать, обойти его, надеялись достигнуть своей цели без провозглашения и приложения к жизни принципа непротивления насилию, разрушающего, как им казалось, всякое благоустройство человеческой жизни. И последствием этого уклонения от признания незаконности насилия была та братоубийственная война, которая, решив вопрос внешним

образом, внесла новое, едва ли не большее зло развращением, сопутствующим всякой войне, в жизнь американского народа. Сущность же вопроса осталась неразрешённой, и тот же вопрос, только в новой форме, стоит теперь перед народом Соединённых Штатов. Тогда вопрос был в том, как освободить негров от насилия рабовладельцев; теперь вопрос в том, как освободить негров от насилия всех белых и белых от насилия черных.

И разрешение этого вопроса в новой форме совершится, конечно, не линчеванием негров и не какими-либо искусными и либеральными мерами американских политиков, а только приложением к жизни того же принципа, который полвека тому назад был провозглашён Гаррисоном.

Хотят или не хотят этого люди, только во имя этого принципа могут освободиться люди от порабощения и угнетения друг друга. Хотят или не хотят этого люди, принцип этот лежит в основе всех совершившихся и имеющих совершиться истинных усовершенствований в жизни людей. Людям кажется, что приложение принципа непротивления к жизни во всей его полноте сразу уничтожает всё столь дорого стоившее или с таким трудом установленное устройство этой жизни; но люди забывают, что принцип непротивления не есть принцип насилия, а — согласия и любви, и потому не может быть сделан обязательным для людей. Принцип этот может только быть свободно принят. И в той мере, в которой он свободно принимается людьми и прилагается к жизни, только в той мере и совершается истинный прогресс в жизни людей.

Гаррисон первый провозгласил этот принцип, как правило для устройства жизни людей, и в этом его великая заслуга.

Если он тогда и не достиг мирного освобождения рабов в Америке, он указал на путь освобождения всех людей вообще от власти грубой силы.

У. Л. Гаррисон

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ ОСНОВ, ПРИНЯТЫХ ЧЛЕНАМИ ОБЩЕСТВА, ОСНОВАННОГО ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ ВСЕОБЩЕГО МИРА

Бостон 1838 г.

Мы не признаём никакого человеческого правительства. Мы признаём только одного Царя и Законодателя, только одного Судью и Правителя над человечеством. Отечеством нашим признаём весь мир, соотечественниками своими признаем всё человечество. Мы любим свою родину столько же, сколько мы любим и другие страны. Интересы, права наших сограждан нам не дороже интересов и прав всего человечества. Поэтому мы не допускаем того, чтобы чувство патриотизма могло оправдывать мщение за обиду или за вред, нанесённый нашему народу…

Мы признаём, что народ не имеет права ни защищать себя от внешних врагов, ни нападать на них. Мы признаём также, что отдельные лица в своих личных отношениях не могут иметь этого права. Единица не может иметь бóльшего значения, чем совокупность их. Если правительство не должно оказывать сопротивления чужестранным завоевателям, имеющим целью опустошать наше отечество и избивать наших сограждан, то точно так же не должно быть оказываемо сопротивление силою отдельным лицам, нарушающим общественное спокойствие и грозящим частной безопасности. Проповедуемое церквами положение о том, что все государства на земле установлены и одобряемы Богом и что все власти, существующие в Соединённых Штатах, в России, в Турции, соответствуют воле Бога, столь же нелепо, как и кощунственно. Это положение представляет творца нашего существом пристрастным и устанавливающим и поощряющим зло. Никто не решится утверждать того, чтобы власти, существующие в какой бы то ни было стране, действовали по отношению к своим врагам в духе учения и по примеру Христа. И потому деятельность этих властей не может быть приятна Богу, и потому и власти эти не могли быть установлены Богом и должны быть низвергнуты — не силою, но духовным возрождением людей.

Мы признаём нехристианскими и незаконными не только самые войны — как наступательные, так и оборонительные, — но и все приготовления к войнам: устройство всяких арсеналов, укреплений, военных кораблей; признаём нехристианским, незаконным существование всяких постоянных армий, всякого военного начальства, всяких памятников, воздвигнутых в

честь побед или павших врагов, всяких трофеев, добытых на поле сражения, всяких празднований военных подвигов, всяких присвоений, совершённых военной силой; признаём нехристианским и незаконным всякое правительственное постановление, требующее военной службы от своих подданных.

Вследствие всего этого мы считаем для себя невозможным не только службу в войсках, но и занимание должностей, обязующих нас принуждать людей поступать хорошо под страхом тюрьмы или смертной казни. Мы поэтому добровольно исключаем себя из всех правительственных учреждений и отказываемся от всякой политики, от всяких земных почестей и должностей.

Не считая себя вправе занимать места в правительственных учреждениях, мы точно так же не считаем себя вправе и избирать на эти места других лиц. Мы также считаем себя не вправе судиться с людьми, чтобы заставить их возвратить взятое у нас. Мы считаем, что мы обязаны отдать и кафтан тому, кто взял нашу рубашку, но никак не подвергать его насилию **(Мф. V, 40)**.

Мы верим в то, что уголовный закон Ветхого Завета: око за око, зуб за зуб, отменён Иисусом Христом и что по Новому Завету всем его последователям проповедуется прощение врагам вместо мщения, во всех случаях без исключения. Вымогать же насилием деньги, запирать в тюрьму, ссылать или казнить, очевидно, не есть прощение обид, а мщение.

История человечества наполнена доказательствами того, что физическое насилие не содействует нравственному возрождению и что греховные наклонности человека могут быть подавлены лишь любовью, что зло может быть уничтожено только добром, что не должно надеяться на силу руки, чтобы защищать себя от зла, что настоящая безопасность для людей находится в доброте, долготерпении и милосердии, что лишь кроткие наследуют землю, а поднявшие меч от меча погибнут.

И поэтому, как для того, чтобы вернее обеспечить жизнь, собственность, свободу, общественное спокойствие и частное благо людей, так для того, чтобы исполнить волю того, кто есть царь царствующих и Господь господствующих, мы от всей души принимаем основное учение непротивления злу злом, твёрдо веруя, что это учение, отвечая всем возможным случайностям и выражая волю Бога, в конце концов должно восторжествовать над всеми злыми силами.

Мы не проповедуем революционного учения. Дух революционного учения есть дух мести, насилия и убийства. Он не боится Бога и не уважает личности человека. Мы же желаем быть преисполнены духа Христова. Следуя основному нашему правилу непротивления злу злом, мы не можем производить заговоров, смут и насилий. Мы подчиняемся всем узаконениям и всем требованиям правительства, кроме тех, которые противны

требованиям Евангелия. Сопротивление наше ограничивается покорным подчинением наказаниям, имеющим быть наложенными на нас за неповиновение. Намереваясь без сопротивления переносить все направленные на нас нападения, мы между тем, со своей стороны, намерены, не переставая, нападать на зло мира, где бы оно ни было, вверху или внизу, в области политической, административной или религиозной, стремясь всеми возможными для нас средствами к осуществлению того, чтобы царства земные слились в одно царство Господа нашего Иисуса Христа. Мы считаем несомненной истиной то, что всё то, что противно Евангелию и духу его и потому подлежит уничтожению, должно быть сейчас же уничтожаемо. И потому, если мы верим предсказанию о том, что наступит время, когда мечи перекуются на орала и копья на серпы, мы сейчас же, не откладывая этого на будущее время, должны делать это по мере сил наших. И потому все те, которые выделывают, продают, употребляют оружие, содействуют всяким военным приготовлениям, этим самым вооружаются против мирного господства сына Божьего на земле.

Высказав наши основы, скажем теперь о том, какими путями мы надеемся достигнуть нашей цели. Мы надеемся победить "безумием проповеди". Мы будем стараться распространять свои взгляды среди всех людей, к каким бы народам, исповеданиям и слоям общества они ни принадлежали...

Принимаясь за это великое дело, мы вполне сознаем, что наша искренность может быть подвергнута жестоким испытаниям. Наша задача может навлечь на нас оскорбления, обиды, страдания и даже смерть. Нас ожидает непонимание, ложное толкование и клевета. Против нас должна подняться буря. Гордость и фарисейство, честолюбие и жестокость, правители и власти — всё это может соединиться, чтобы уничтожить нас. Таким образом поступали с мессией, которому мы стремимся подражать по мере сил своих. Но нас не пугают эти ужасы. Мы надеемся не на людей, а на всемогущего Господа. Если мы отказались от человеческого заступничества, что же может поддержать нас, как не одна вера, побеждающая мир? Мы не будем удивляться тем испытаниям, которым мы подвергаемся, а будем радоваться тому, что удостоимся разделить страдания Христа.

Вследствие всего этого мы предаем души свои Богу, веруя тому, что сказано, что тот, кто оставит дома и братьев, и сестёр, или отца, или мать, или жену, или детей, или поля ради Христа, получит во сто раз больше и наследует жизнь вечную.

Итак, твёрдо веруя, несмотря на всё, что может вооружиться против нас, в несомненное торжество во всём мире основ, выраженных в этом "Провозглашении", мы прилагаем здесь свои подписи, надеясь на разум и совесть человечества, более же всего на силу Божью, которой и вручаем себя.

Руководитель одной из американских духовных общин Адин Балу, скончавшийся в августе **1890** года, в продолжение **50** лет писал и издавал книги преимущественно о вопросе непротивления злу насилием. В сочинениях этих, прекрасных по ясности и красоте изложения, вопрос рассмотрен со всех возможных сторон. Одним из главных сочинений его является "Катехизис непротивления".

Л. Н. Толстой

Адин Балу

КАТЕХИЗИС НЕПРОТИВЛЕНИЯ

(Перевод сделан свободно, с некоторыми пропусками)

Вопр. — Откуда взято слово "непротивление"?

Отв. — Из изречения: **не противься злому**. Мф. **V, 39**.

Вопр. — Что выражает это слово?

Отв. — Оно выражает высокую христианскую добродетель, предписываемую Христом.

Вопр. — Следует ли слово "непротивление" принимать в самом его обширном смысле, т.е. что оно указывает на то, чтобы не делать никакого **сопротивления злу**.

Отв. — Нет, оно должно быть понимаемо в точном смысле наставления Спасителя, т.е. не платить **злом за зло**. Злу должно противиться всякими праведными средствами, но никак не злом.

Вопр. — Из чего видно, что Христос в таком смысле предписал непротивление?

Отв. — Из слов, которые он при этом сказал. Он говорил: Вы слышали, что сказано древним: око за око, зуб за зуб. А я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щёку твою, обрати к нему и другую, и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду.

Вопр. — О ком он говорил в словах: вы слышали, что сказано?

Отв. — О патриархах и пророках, о том, что они сказали, — что содержится в писаниях Ветхого Завета, который евреи обыкновенно называют **Закон и пророки**.

Вопр. — Какие предписания разумел Христос под словами: "вам сказано"?

Отв. — Те предписания, в которых Ной, Моисей и другие пророки дают право причинять личный вред наносителям вреда, чтобы наказывать и уничтожать злые дела…

Ной, Моисей и пророки учили так, что тот, кто убивает, калечит или мучает своих ближних, делает зло. Чтобы противиться такому злу и уничтожать его, нужно делающего зло наказывать смертью или искалечением или каким-нибудь личным мучением. Обиде нужно противопоставить обиду, убийству — убийство, мучению — мучение, злу — зло. Так учили Ной, Моисей и пророки. Но Христос отрицает всё это. "Я говорю вам, написано в Евангелии: не противься злому, не противься обиде — обидою, но скорее перенеси повторённую обиду от делающего зло". То, что было позволено, запрещается. Понявши, какого рода противлению они учили, мы точно знаем, чему учит непротивление Христа.

Вопр. — Допускали ли древние сопротивление обиде обидою?

Отв. — Да. Но Иисус запретил это. Христианин ни в каком случае не имеет права лишать жизни или подвергать обиде делающего зло ближнего.

Вопр. — Может ли он убить или искалечить другого при самообороне?

Отв. — Нет.

Вопр. — Может ли он войти с жалобой в суд с той целью, чтобы его обидчик был наказан?

Отв. — Нет. Ибо, что он делает через других, в сущности он сам делает.

Вопр. — Может ли он сражаться в войске против неприятелей или против домашних бунтовщиков?

Отв. — Конечно, нет. Он не может принимать никакого участия в войне или воинских приготовлениях. Он не может употреблять смертоносного оружия. Он не может противиться обиде обидой, всё равно один ли он, или вместе с другими, сам или через других людей.

Вопр. — Может ли он добровольно выбирать или снаряжать военных людей правительству?

Отв. — Он не может делать ничего этого, если хочет быть верным закону Христа.

Вопр. — Может ли он добровольно давать деньги для помощи правительству, поддерживаемому военной силой, смертной казнью, вообще насилием?

Отв. — Нет, если только деньги не предназначены на какой-нибудь особый предмет, справедливый в самом себе, где и цель и средства добрые.

Вопр. — Может ли он платить подати такому правительству?

Отв. — Нет, он не должен добровольно платить подати, но не должен противиться взиманию податей. Подать, налагаемая правительством, взыскивается независимо от воли подданных. Ей нельзя противиться, не прибегая самому к насилию. Насилия же христианин употреблять не может, поэтому он должен предоставить прямо **свою собственность** насильственному ущербу, производимому властями.

Вопр. — Может ли христианин подавать голос при выборах и участвовать в суде или управлении?

Отв. — Нет, участие в выборах, суде или управлении есть участие в правительственном насилии.

Вопр. — В чём главное значение учения о непротивлении злу?

Отв. — В том, что оно одно даёт возможность вырвать с корнем зло, как из своего сердца, так и из сердца ближнего. Учение это запрещает делать то, чем увековечивается и умножается зло в мире. Тот, кто нападает на другого и обижает его, зажигает в другом чувство ненависти, корень всякого зла. Обидеть другого, потому что он нас обидел, будто бы для того, чтобы устранить зло, значит повторить дурное дело и над ним и над собой, значит **породить** или по крайней мере **освободить — поощрить** того самого демона, которого мы будто бы хотим изгнать. Сатана не может быть изгнан сатаною, неправда не может быть очищена неправдою, и зло не может быть побеждено злом.

Истинное **непротивление** есть единственное настоящее сопротивление злу. Оно сокрушает голову змия. Оно убивает и в конец истребляет злое чувство.

Вопр. — Но если мысль учения и верна, то исполнимо ли оно?

Отв. — Так же исполнимо, как всякое добро, предписываемое законом Божиим. Добро не может быть исполняемо во всех обстоятельствах без самоотречения, лишения, страдания и, в крайних случаях, без потери самой жизни. Но тот, кто дорожит жизнью более, чем исполнением воли Бога, уже мёртв для единственной истинной жизни. Такой человек, стараясь спасти свою жизнь, потеряет её. Кроме того, и вообще там, где непротивление стоит пожертвования одною жизнью или каким-нибудь существенным благом жизни, противление стоит тысячи таких жертв.

Непротивление сохраняет — противление разрушает.

Несравненно безопаснее поступать справедливо, чем несправедливо; сносить обиду, чем противиться ей насилием, — безопаснее даже в отношении к настоящей жизни. Если бы все люди не противились злу злом, наш мир был бы блажен.

Вопр. — Но когда лишь немногие будут так поступать, что станется с ними?

Отв. — Если бы так поступал даже только один человек, а все остальные согласились распять его, то не более ли славно ему было бы ему умереть в торжестве непротивляющейся любви, молясь за врагов своих, чем жить, нося корону Цезаря, обрызганную кровью убитых? Но один ли, или тысячи людей, твёрдо решивших не противиться злу злом, всё равно, среди просвещённых ли, или среди диких ближних, гораздо больше безопасны от насилия, чем те, которые полагаются на насилие. Разбойник, убийца, обманщик скорее оставит их в покое, чем тех, кто сопротивляется оружием. Взявшие меч от меча погибнут, а ищущие мира, поступающие дружественно,

безобидно, забывающие и прощающие обиды большею частью наслаждаются миром или если умирают, то умирают благословляемы.

Таким образом, если бы все соблюдали заповедь непротивления, то, очевидно, не было бы ни обиды, ни злодейства. Если бы таких было большинство, то они установили бы управление любви и доброжелательства даже над обижающими, никогда не противясь злу злом, никогда не употребляя насилия. Если бы таких людей было довольно многочисленное меньшинство, то они произвели бы такое исправительное нравственное действие на общество, что всякое жестокое наказание было бы отменено, а насилие и вражда заменились бы миром и любовью. Если бы их было только малое меньшинство, то оно редко испытывало бы что-нибудь худшее, чем презрение мира, а мир между тем, сам того не чувствуя и не будучи за то благодарен, постоянно становился бы мудрее и лучше от этого тайного воздействия. И если бы в самом худшем случае некоторые из членов меньшинства были бы гонимы до смерти, то эти погибшие за правду оставили бы по себе своё учение, уже освещённое их мученической кровью.

Да будет мир со всеми, кто ищет мира, и всепобеждающая любовь да будет негибнущим наследием всякой души, добровольно подчиняющейся закону Христа:

"Не противься злу насилием".

———————————

"Иисус Христос — мой Господь и учитель, — *говорит Баллу в одной из статей, обличающей непоследовательность христиан, признающих право защиты и войны.* — Я обещал, оставив всё, следовать за ним, на худое и доброе до самой смерти. Но я гражданин демократической республики Соединённых Штатов, которой я присягал в верности в том, что я буду поддерживать конституцию моей страны, если нужно жертвою жизни. Христос требует от меня, чтобы я сделал другим то, что я хотел бы, чтобы мне делали. Конституция Соединённых Штатов требует от меня, чтобы я делал двум миллионам рабов *(тогда были рабы, теперь на место их смело можно поставить рабочих)* как раз обратное тому, что бы я хотел, чтобы мне делали, т.е. содействовал бы тому, чтобы держать их в том рабстве, в котором они находятся. И это ничего, я продолжаю избирать или избираться, я помогаю управлять, я даже готов быть выбран на какую-либо должность управления. Это не мешает мне быть христианином. Я продолжаю исповедовать и не нахожу затруднения исполнять завет с Христом и с правительством".

"Иисус Христос запрещает мне противиться делающим зло и лишать их ока за око и зуба за зуб, крови за кровь, жизни за жизнь".

"Моё правительство требует от меня как раз противного и защиту себя основывает на виселице, ружье, мече, употребляемых против своих домашних и внешних врагов. И соответственно этому страна снабжается виселицами, тюрьмами, арсеналами, военными кораблями и солдатами".

"В поддержании и употреблении этих дорогостоящих убийственных приспособлений мы можем весьма удобно осуществить добродетель прощения обижающих нас, любви к врагам, благословения проклинающих нас и делания добра ненавидящим нас. Для этой цели у нас есть постоянные христианские священники, чтобы молиться за нас и призывать благословение Божие на святые убийства. Я всё это вижу *(т.е. противоречие исповедания и жизни)* и продолжаю и исповедовать и управлять и горжусь тем, что я в одно и то же время и набожный христианин и преданный слуга правительству. Не хочу я согласиться с этим безумным понятием непротивления. Не могу я отказаться от своего влияния и оставить одних безнравственных людей во главе правительства. Конституция говорит: правительство имеет право объявлять войну, и я соглашаюсь, я поддерживаю это, я клянусь, что буду поддерживать. Я от этого не перестаю быть христианином. Война тоже христианская обязанность. Разве не христианское дело убить сотни тысяч ближних, насиловать женщин, разорять и сжигать города и делать всевозможные жестокости? Пора бросить все эти выдуманные сентиментальности. Это самое настоящее средство прощать обиды и любить врагов. Если мы только делаем это в духе любви, ничего не может быть более христианского, как такое огульное убийство".

В другой брошюре, под заглавием: **"Сколько нужно людей, чтобы преобразить злодейство в праведность"**, он говорит: "Один человек не должен убивать. Если он убил, он преступник, он убийца. Два, десять, сто человек, если они делают это, — они убийцы. Но государство или народ может убивать, сколько он хочет, и это не будет убийство, а хорошее, доброе дело. Только собрать побольше народа, и бойня десятков тысяч людей становится невинным делом. Но сколько именно нужно людей для этого? Вот в чём вопрос.

Один не может красть, грабить, но целый народ может. Но сколько именно нужно для этого? Почему 1, 10, 100 человек не должны нарушать закона Бога, а очень много могут?"

Из **"Учения о христианском непротивлении злу насилием"**:

"Правители учат и говорят, что насилие власти охраняет всех людей от насилий и обид дурных людей, что как только насилия властей прекратятся, так немедленно им на смену начнут злые люди убивать и мучить добрых. Очень мало ещё людей, понимающих всю явную и бесстыдную ложь таких

утверждений. Масса привыкла поклоняться насилию, и она молится на него в виде меча, тюрьмы, виселицы. Они воздают ему почести, в виде священства, армии, флотов, народных ополчений, крепостей, арсеналов, судов, исправительных заведений и т.п. И толпа повторяет, и что ужаснее всего, это то, что повторяет искренно: "Что станет с человечеством, если война и смертная казнь вдруг будут отменены?!"

На алтарь бога насилия столько уже принесено жертв, что этих жертв хватило бы на заселение двадцати планет таких, как земля, а достигнута ли хотя бы малейшая часть цели?

Ничего нет, кроме того, что положение народов становится всё хуже и хуже. И всё же насилие остается богом толпы. Перед его залитым запёкшейся кровью алтарем человечество как будто порешило преклоняться вовеки под звук барабана, под грохот орудий и под стон окровавленного человечества".

"Нельзя допустить, чтобы человек, истинный христианин, был членом общества, имеющего армию и военные учреждения.

Неужели он может согласиться на то, чтобы признаваемый им глава правительства командовал бы армией и флотом и водил братьев его убивать братьев же иноплеменников? Не может христианин признавать такого сановника и участвовать в его выборе, не может, присягая именем Бога, обязываться делать дела убийства и насилия.

Как безобразно, нелогично оказывается возражение в пользу участия в делах мира сего и как бессмысленно оказывается по поверке то, что с первого взгляда казалось последним словом здравого смысла.

Конгресс уполномочивает объявить войну. Мои представители уполномочивают делать это злодеяние от моего имени и по своему произволу. Они имеют власть обратить целую нацию в безбожных убийц и разбойников, они имеют власть объявлять справедливыми и правыми все эти ужасы, они имеют право дозволять совершение всех преступлений, и всё это на основании моего уполномочия.

При таких условиях христианин не примет никакой должности, никогда не захочет быть ни избирателем, ни избираемым и никогда не присоединится ни к церкви, ни к государству, пока они будут поддерживать такие верования, пока и церковь и государство не перестанут распинать Христа".

В. Ольховский
(В. Д. Бонч-Бруевич)

О СЕКТЕ НАЗАРЕН, РАСПРОСТРАНИВШЕЙСЯ В ВЕНГРИИ, СЕРБИИ И ХОРВАТИИ

Сущность учения назарен состоит в следовании учению Нового Завета, преимущественно Нагорной проповеди. Они не признают никакой иерархии, писаного учения и вообще организации, учение их не установившееся, изменяющееся, различно в догматическом отношении в различных общинах, — даже в одной и той же общине есть члены, верующие по-своему. Но нравственное учение у всех одно и то же. Все они ведут строго нравственную воздержную жизнь. Считают главными правилами жизни трудолюбие, кротость в обращении с людьми, смиренное перенесение обид и воздержание от участия в насилии. Они не признают суда, не платят добровольно податей, не присягают и отказываются от военной службы и вообще к государству относятся, как к ненужному им учреждению.

В свои общины, состоящие преимущественно из трудового народа, назарены принимают только "воскресших духом", покаявшихся и живущих новой жизнью. Поэтому дети назарен не считаются назаренами, пока не придут в сознательный возраст и сами не пожелают вступить в общину верующих.

Отказ назарен от воинской повинности вызывает против них гонения австрийского правительства. Но назарены твёрдо держатся своего убеждения о несогласии с христианством военной службы и покорно несут накладываемые на них наказания, не изменяя закону Христа *).

Свои отказы от воинской повинности назарены основывают на словах Христа "А я говорю вам не противься злому" **(V, 38 Мф.)** и "любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас" **(V, 44 Мф.)**.

Простые крестьянские парни, назарены, часто удивляют своих гонителей той твёрдостью, с которой они переносят всякие мучения. И так поступают не только рекруты, но и запасные, т.е. такие, которые уже после отбытия действительной службы сделались назаренами. Когда их призывают на манёвры, они отказываются брать оружие в руки. Зная, что их

---

*) В **1885** году отказов таких было **130**.

за это могут приговорить к пожизненному заключению, они заблаговременно распоряжаются своим хозяйством так, чтобы жена могла управляться одна, и прощаются как бы навеки со своими семьями. Семьи их большей частью сочувствуют их мученичеству.

Так, несколько лет тому назад Иога Радованов (серб) из Вечбаса (Бачка), будучи зачислен в Пеште в **6** полк **6** роту, отказался взять оружие, сказав, что вера его не позволяет ему этого. Суд приговорил его к заключению на **2** года. Старший брат его, приговорённый к заключению в **1894** г., сидел уже **10**-й год. Мать этих обоих братьев пришла навестить младшего. Начальство ей не разрешило свидания. Она стояла и плакала на дворе тюрьмы. И в это время увидала в одном из окон лицо сына и сейчас же крикнула ему: "Сыне мой злати, не мой за Бога узэти пушку! (Сынок мой золотой, Бога ради, не бери ты ружья!)"

В конце августа **1895** г. призывались запасные Сегединского резервного полка. Когда запасным раздавали ружья, двое из них не хотели принять ружья, потому что, как они сказали, им это не дозволяет назаренская вера. Капитан Олчвари стал говорить им, что Бог любит войско, что ведь теперь идут не на войну, а только на манёвры, где никто не будет проливать крови. Назарены на это ответили: "Но нас для того ведут на манёвры, чтобы выучить убивать людей".

Капитан пытался подействовать на них страхом. Он сказал им, что прошлой осенью один назарен тоже так себя вёл и его несколько раз наказывали и наконец заключили на **17** лет в крепостную тюрьму.

— Пусть нас застрелят, — спокойно ответили назарены, — но не можем идти против законов Бога.

Другие запасные пошли к семьям этих назарен, и жёны их, не находившиеся ещё в секте, с плачем просили мужей, чтобы те покорились власти, но они не согласились. Капитан посадил их предварительно на **10** дней тяжёлого ареста. Когда их отводили, они, плача, расставались с семьями.

— Оставайтесь с Богом, — говорили они, — нас заживо похоронят ради Господа Бога, ради святой невинности и чистоты душевной, потому что люди должны быть, как агнцы Божии.

Франко Новак должен был отбывать военную службу в Тамешваре. Когда его в первый раз повели вместе с другими рекрутами на учебный плац, он отказался принять оружие. Заметив суету около Новака, бывший на плацу генерал подъехал к этому месту и спросил, что случилось. Ему доложили. Генерал ласково спросил Новака, почему он не хочет взять оружие. Новак вынул из кармана маленькое Евангелие и сказал: "Высшие власти разрешают печатать эту книжку, а также не запрещают жить по высказанным

в ней заветам. В книге же этой сказано: "Люби ближнего, как самого себя". Не принимаю оружия потому, что хочу следовать заветам Спасителя".

Генерал спокойно выслушал до конца Новака, потом сказал ему: "Однако в этой же книжке сказано: кесарево — кесарю, Божье — Богу".

Новак сначала смутился и молчал, но потом, одумавшись, снял военную фуражку, оружие, мундир и, положив всё это, сказал: "Вот всё это его величества кесаря, вот и я отдам ему всё, что его".

В **1897** году к городскому нотариусу Великой Кокинды пришёл дряхлый старик. В руках у него был лист бумаги: свидетельство о праве на пенсию инвалиду **48**-го года.

— Извольте записать, господин нотариус, — сказал старик, — что я отказываюсь от своей пенсии. Удивлённый нотариус спросил старика:

"Что вы, Ванда, разве нашли клад?"

— Верно, совершенно верно, господин нотариус, — ответил старик, — я нашёл клад. Нашёл я, господин нотариус, своего Господа, который дороже мне всех кладов мира сего и которому не нравится, чтобы раб его питался хлебом, доставленным ему оружием.

Несмотря на строгие меры, употребляемые против них правительством, назарены не изменяют своей веры.

В Швейцарии, я знаю, что в **1890**-х годах в Шильонском замке сидели люди за отказ от исполнения воинской повинности, не изменившие вследствие наказания своего решения. Такие же отказы были в Швеции, и точно так же отказывающиеся были заключены в тюрьмы, и правительство старательно скрывало эти случаи от народа. Были такие отказы и в Пруссии. Я знаю про унтер-офицера гвардии, который в **1891** году в Берлине объявил начальству, что он, как христианин, не будет продолжать службу и, несмотря на все увещания, угрозы и наказания, остался при своём решении. Во Франции, на юге её, возникла в последнее время община людей, носящих название гинчистов, члены которой отказываются на основании христианского исповедания от исполнения воинской повинности и сначала зачислялись в госпитали, но теперь, по мере увеличения их, подвергаются наказаниям за неповиновение, но всё-таки не берут в руки оружия.

Л. Н. Толстой

Альберт Шкарван

МОЙ ОТКАЗ ОТ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

ПИСЬМО ВОЕННОГО ВРАЧА А. ШКАРВАНА, ОТКАЗАВШЕГОСЯ ОТ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ В 1894 ГОДУ.

Господин старший врач!

Я должен был бы устно сообщить вам то, что пишу, но пользуюсь пером, так как боюсь, что лично я мог бы это сделать недостаточно ясно и спокойно.

Я решил не возвращаться более к своим военным обязанностям, решил перестать быть солдатом, а следовательно не буду ни носить военного мундира, ни исполнять госпитальной службы, которая в сущности — та же военная.

Отказываюсь я от этого потому, что это противоречит моим убеждениям, моему образу мыслей, моим познаниям, моему религиозному чувству. Я — христианин и, как таковой, не могу способствовать милитаризму ни словом, ни делом. До сих пор я делал это потому, что не имел достаточно духовной силы для того, чтобы одному противустоять такой могучей силе, какую представляет военная организация. Теперь моё решение укрепилось и произошло это не в какую-нибудь патетическую минуту, но оно есть последовательный результат моих мыслей и стремлений в продолжение нескольких лет.

Мне ясно представляется, каким глупым, греховным и смешным должно показаться военному суду моё намерение. Знаю также и то, что за это я должен буду претерпеть тяжелое наказание, — что власти будут держать меня в тюремном заключении столько, сколько им пожелается.

Но я отдаюсь власти, которая выше всей могущественной Европы. "Я хочу согласовать свою жизнь с требованиями одной только истины, т.е. вечной, единой, божественной истины. Эта истина повелевает мне не гнуть более шеи под тем всеобщим рабским ярмом военщины, которое все правительства налагают в настоящее время на человечество.

Что военный врач должен преследовать, как об этом говорят и пишут, более гуманные и благородные цели, я считаю неверным, потому что он так же, как прочие военные, не что иное, как лишённое воли орудие,

существующее для того, чтобы делать правильно, хорошо и последовательно то, что требует устав, а именно иметь заботу о том, чтобы войско могло возможно дольше выполнять свою грубую бесчеловечную работу. Вот всё, что я имею сказать. Прошу сохранить это письмо для того, чтобы оно могло быть передано суду, так как я и там едва ли буду иметь что прибавить к тому, что сказано в нём.

Я буду ожидать на своей квартире в "Кронен Казерне" вашего распоряжения.

Д-р А. Шкарван.

Кроме этого письма, А. Шкарван высказал в следующей статье те причины, по которым он нашёл невозможным служить военным врачом.

ПОЧЕМУ НЕЛЬЗЯ СЛУЖИТЬ ВОЕННЫМ ВРАЧОМ

Многих поражает то обстоятельство, что я отказался продолжать военную службу в качестве врача. Многие допускают что отказ от строевой службы ещё понятен, так как назначение строевого солдата несомненно состоит в том, чтобы обучаться убийству, и если начальство того потребует, то и совершать убийства.

"Но, — спрашивают люди, — как может отказаться от своей службы военный врач, звание и обязанность которого состоит совсем не в убийстве людей, а, наоборот, в том, чтобы подавать помощь больным, страдающим и, следовательно, — творить дела гуманные, дела милосердия?"

"Деятельность врача, — добавляют ещё такие люди, — есть сама по себе христианская деятельность, и потому тот, кто бросает эту деятельность заслуживает даже с нравственной точки зрения скорее осуждения, чем сочувствия".

И люди, при общей, свойственной им склонности не разбирать настоящего положения вещей, охотно принимают такого рода рассуждения, считая вопрос решённым, и кладут его в сторону, чтобы больше не думать о нём. Такие возражения мне пришлось слышать не только от военных, но равно и от гражданских людей, не только от матерьялистов, но даже и от людей несомненно религиозных. Это самое мне выражали даже некоторые назарены, люди, понявшие греховность военной службы, отказывающиеся от неё, и за это убеждение всю свою молодость просидевшие в тюрьмах и умирающие там.

Является вопрос, как может мнение назарен быть согласно с мнением людей совсем других взглядов на войну? И другой вопрос: справедливо ли это мнение?

Для меня несомненно то, что назарены пошли на более тонкий, но в сущности тот же самый самообман, когда они между собой решили поступать — если потребуют власти — в санитарные роты, как они теперь и делают. В этом и всё объяснение.

Утверждать же, что служба военного врача, а с ней и служба санитарного солдата, не противны духу Христа, что такая служба составляет как бы добродетель, — очень грубая ошибка. Ошибка заключается в том, что из всякого дела и занятия можно сделать дело дьявола (как это и доказывает практика многих врачей), всё зависит лишь от того, как делающий известное дело относится к нему. Поэтому и неверно утверждение, что вообще занятие врача само по себе есть занятие благородное. Кроме того, путает этот вопрос ещё и то обстоятельство, что громадное большинство людей относится к медицинской науке суеверно, даже не подозревая того, насколько справедливо изречение Фауста: "Сущность медицины легко усвоить; изучаешь великий и малый мир только затем, чтобы в конце концов оставить всё на Божью волю".

Но главное, что делает преступным службу военного врача, это та тесная связь, которая существует между его деятельностью и убийством людей, — настоящим назначением армий. Связь эта лицемерно прикрыта плащом гуманности и потому не так очевидна людям. Тем не менее она существует, и всякий желающий видеть может её видеть, ибо очень легко поднять этот плащ, под которым скрывается тот же разбойник.

Военный врач свидетельствует солдат, т.е. решает, кто из людей годится для пушечного мяса, кто нет, осматривает тех солдат, которых наказывает начальство, т.е. решает, кого можно затворить в темницу, на кого можно надеть кандалы, кого можно лишить еды и т.п., следовательно, постоянно содействует бесчеловечному, зверскому насилию над людьми.

Но предположим даже, что он всего этого не будет вынужден делать и что, кроме добросовестного лечения больных солдат, не будет ничем другим заниматься, — даже это ничуть не уничтожило бы греховности его деятельности, **ибо нельзя не спросить себя, нельзя не видеть того, какая цель преследуется этим лечением. Военный врач во всяком случае представляет наёмника за деньги, нанятого организованной шайкой убийц единственно для того, чтобы наблюдать за здоровьем людей, предназначенных на убой и на совершение убийства**. *)

И нельзя в этом случае не сознавать того, что всем известно, — того, что быть пособником в каком бы то ни было виде безнравственному, дикому учреждению, — постыдно и унизительно, какое бы хорошее название ни

давали этому делу, какой бы красивый мундир за это ни надевали, сколько бы золотых крестиков ни дарили за такую службу. Ведь наверное ни одна честная женщина ни за какие деньги не согласится поступить в кухарки в шайку разбойников, хотя приготовление кушанья не только не составляет греха само по себе, но нужное и необходимое для людей условие жизни. И в чём же разница между разбойниками и армиями? Единственно лишь в размерах грабежа.

Пора бы нам всем понять, что постыдно и унизительно продавать свои знания тем, кто нуждается в них, для более лёгкого достижения своих злых намерений!

Пора бы понять, что всякое малейшее содействие в основанных на насилии делах правительства составляет для человека, желающего себе и другим блага, — унижение собственного достоинства и великое преступление против самых элементарных требований не только любви, но даже простой гуманности!

---

*) Ср.: "Находящиеся в военных госпиталях и в лазаретах раненые и больные излечиваются с целью наискорейшего возвращения в строй и предназначаются для дальнейшего убийства..." Поэтому: "При отсутствии так называемой "медицинской" помощи, т.е. без поддержки военно-санитарного дела, дикость и ужас войны стали бы для людей ещё более очевидными, вследствие чего народы были бы менее склонны в ней участвовать". (**В. Г. Чертков.** Предисловие к книге "Противники войны", **1920**).

"Если я отказываюсь сопротивляться нападающему на меня, тем менее могу я участвовать в войне, в особенности, если я ничего не знаю о целях и побуждениях воюющих. С точки зрения принципа **ахимсы** (ненасилия — ред.) я не делал различия между сражающимися и несражающимися. Тот, кто добровольно поступил на службу в шайку разбойников, в качестве ли их возчика, или их сторожа, когда они уходят на свой промысел, или же их сиделки, когда они ранены, в той же мере виновен в разбое, как и сами разбойники. Совершенно так же тот, кто ограничивает свою деятельность уходом за ранеными в бою, не может быть ограждён от обвинения в деянии, именуемом войной. (**М. К. Ганди.** "Моя жизнь", **1927-29**. Глава “Нравственная дилемма”).

ОТКАЗЫ ОТ ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ В РОССИИ

В **1818** году, как записал это в свой дневник генерал-губернатор Кавказа Муравьев, были присланы на Кавказ из Тамбовской губернии пять помещичьих крестьян за то, что они, будучи сданы в солдаты, отказались служить. Их несколько раз секли кнутом, гоняли сквозь строй, но они не сдавались и говорили одно: "Все люди равны, государь такой же человек, как и мы; не будем повиноваться, не будем платить податей, а главное, не будем убивать на войне людей братьев. Можете на куски резать нас, мы не сдадимся, не наденем шинели, не будем пайка есть, не будем солдатами. Милостыню мы примем, а казенного ничего не хотим".

Таких людей засекали, морили в тюрьмах, и всё, касавшееся их, старательно скрывалось, но количество их в продолжение прошлого столетия постоянно увеличивалось. *)

Так: "В **1827** году гвардейцы Николаев и Богданов бежали из военной службы в раскольничий скит, устроенный в лесу мещанином Соколовым. При поимке они отказались служить в военной службе, как несогласной с их убеждениями, и не хотели присягать. Военное начальство решило за такой проступок прогнать их сквозь строй и отдать в арестантские роты".

"В **1830** году в Пошехонском уезде Ярославской губернии местным исправником были схвачены неизвестные мужчина и женщина. При допросе мужчина показал: зовут его Егор Иванов, откуда он — того не знает, отца у себя кроме Христа спасителя не имел и не имеет, от роду **65** лет. То же заявила и женщина.

При священническом увещевании в земском суде люди эти дополнили, что, кроме одного небесного царя, никого на земле, как то: государя императора, установленного гражданского и духовного правительства, не

---

*) У меня же есть копии казённой переписки о том, что делать с духовными христианами, которых впервые набрали в рекруты в 30-х годах и они повели себя во многом подобно, как мученики, "иже в Севастии". Император Николай тогда велел отдать их в "профосы", чтобы устыдить их и унизить, но они этому были рады и чистили ямы с удовольствием. К несчастию их, — какой-то гарнизонный дока доискался, однако, что к обязанности "прохвостов" принадлежит также "заготовление розог и шпицрутенов" и самоё исполнение палаческих обязанностей в обозе". (Из письма Н. С. Лескова к Л. Н. Толстому от **26** июня **1888** г.)

Профосами называли в **XVIII** в. военных парашников, убиравших в месте расположения войск все нечистоты. Они же — военные полицейские служители и полковые палачи, прозванные “прохвостами”.

признают. На допросе в палате Егор Иванов повторил, что ему **70** лет, властей духовных и гражданских не признаёт, а принимает их за отступников от правил религии христианской. Егор Иванов был сослан в Соловецкий монастырь для употребления в работы, но почему-то содержался в остроге, где и пробыл до своей смерти, случившейся в **1839** году. Умер твёрдым в своих заблуждениях".

"В **1835** году в Ярославской губернии пойман неизвестный человек, называющий себя Иваном. Он заявил себя непризнающим святых угодников, императора и никакого начальства. По повелению государя был отправлен в Соловки для употребления по летам в работы. В том же году по высочайшему повелению отдан в солдаты".

"В **1849** году рекрут из крестьян Московской губернии Иван Шурупов, **19** лет, по принятии на службу, отказался дать присягу, несмотря на всевозможные принуждения. Свой отказ он мотивировал тем, что, по слову Божьему, нужно служить одному Богу, а потому служить государю он не хочет и присяги принимать не желает, боясь быть клятвопреступником. Начальство, рассуждая, что разглашать это дело, предав суду Шурупова, было бы соблазном, решило заключить его в монастырь. Император Николай Павлович на докладе о Шурупове положил такую резолюцию: "Отправить упомянутого рекрута с конвойными в Соловецкий монастырь".

Таковы некоторые из попавших в печать сведений об отдельных лицах, едва ли тысячный процент всех людей в России, не признававших возможности соединить исповедание христианства с повиновением государственной власти. Целых же общин, много тысяч человек, признающих несовместимость учения Христа и существующего порядка, было в прошлом веке и продолжает существовать и теперь, очень много: и молокане, и иеговисты, и хлысты, и скопцы, и староверы и многие другие, большею частью скрывающие своё непризнание государственной власти, но считающие её произведением начала зла — диавола. В особенности заметны и сильны в прошлом столетии были своим прямым отрицанием государственной власти несколько десятков тысяч духоборов, из которых недавно тысячи, несмотря на все гонения, устояли в истине и переселились в Америку. Число людей, признающих несовместимость христианства с покорностью государству, постоянно увеличивалось; в наше же время, в особенности с тех пор, как правительством было введено самое очевидно противоположное христианскому учению требование общей воинской повинности, несогласие людей христианского понимания с государственным устройством стало всё чаще и чаще проявляться.

Так, в самое последнее время всё больше и больше молодых людей отказываются от военной службы и предпочитают все жестокие

мучительства, которым их подвергают, отречению от закона Бога, как они понимают его.

Мне случайно известны несколько десятков человек в России, отчасти выстрадавших тяжелые мучительства за веру, отчасти теперь ещё сидящих по тюрьмам. Вот имена некоторых из пострадавших: Залюбовский, Любич, Мокеев, Дрожжин, Изюмченко, Ольховик, Середа, Фарафонов, Егоров, Ганжа, Акулов, Чага, Шевчук, Буров, Гончаренко, Захаров, Тригубов, Волков, Кошевой; из сидящих теперь по тюрьмам мне известны: Иконников, Куртыш, Варнавский, Орлов, Мокрый, Молосай, Кудрин, Панчиков, Сиксне, Дерябин, Калачёв, Баннов, Маркин.

Знаю про таких же людей в Австрии, Венгрии, Сербии, Болгарии. В Болгарии их особенно много. Мало этого: отказы эти в последнее время стали происходить, и на тех же основаниях, и в магометанском мире: в Персии среди бабидов, в России в секте Божьего полка, основанной в самое последнее время в Казани Ваисовым.

Основа этих отказов одна и та же, самая естественная, необходимая, неоспоримая. Основа эта в признании и необходимости следования религиозному закону преимущественно перед законом государственным, когда они противоположны. Закон же государственный со своим требованием военной службы, то есть готовности к убийству по воле других людей, не может не быть противоположен всякому религиозно-нравственному закону, всегда основанному на любви к ближнему, как все религиозные учения, не только христианское, но и магометанское, и буддийское, и браминское, и конфуцианское.

То самое точное определение закона любви, не допускающее никакого исключения, которое высказано было Христом **1900** лет тому назад, в наше время уже не вследствие следования Христу, а непосредственно сознаётся уже наиболее нравственно чуткими людьми всех вер.

Да, средство спасения только в этом.

Сначала кажется, что отказы от военной службы частные случаи, касающиеся только военной службы, но ведь это только кажется. Отказы эти ведь не суть случайные поступки людей, вызванные известными обстоятельствами, отказы эти — последствия истинного и искреннего исповедания религиозного учения. А такое исповедание естественно разрушает всё то устройство жизни, которое основано на несогласных, противоположных ему началах. Разрушает оно существующее устройство потому, что, если люди, понимая то, что участие в насилии несовместимо с христианством, не будут идти в солдаты, в сборщики податей, в судьи, в присяжные, в полицейские, во всякого рода начальники, то ясно, что не будет и тех насилий, от которых теперь страдают люди.

Л. Н. Толстой

Е. И. Попов

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ЕВДОКИМА НИКИТИЧА ДРОЖЖИНА

27 января **1894** года в больнице Воронежской тюрьмы умер от воспаления лёгких некто Дрожжин, бывший сельский учитель Курской губернии. Тело его брошено в могилу на острожном кладбище, как кидают туда тела всех преступников, умирающих в тюрьме. Между тем это был один из самых святых, чистых и правдивых людей, какие бывают в жизни.

В августе **1891** года он был призван к отбыванию воинской повинности, но считая всех людей братьями и признавая убийство и насилие самым большим грехом, противным совести и воле Бога, он отказался быть солдатом и носить оружие. Точно так же признавая грехом отдавать свою волю во власть других людей, могущих потребовать от него дурных поступков, он отказался и от присяги. Люди, жизнь которых основана на насилии и убийстве, заключили его сначала на год в одиночное заключение в Харькове, а потом перевели в Воронежский дисциплинарный батальон, где в течение **15** месяцев мучили его холодом, голодом и одиночным заключением. Наконец, когда у него от непрерывных страданий и лишений развилась чахотка, и он был признан негодным к военной службе, его решили перевести в гражданскую тюрьму, где он должен был отсиживать ещё **9** лет заключения. Но при доставлении его из батальона в тюрьму в сильный морозный день полицейские служители по небрежности своей повезли его без теплой одежды, долго стояли на улице у полицейского дома и поэтому так простудили его, что у него сделалось воспаление лёгких, от которого он и умер через **23** дня.

За день до смерти Дрожжин сказал доктору: "Жил я хотя недолго, но умираю с сознанием, что поступил по своим убеждениям, согласно со своей совестью. Конечно, об этом лучше могут судить другие. Может быть... нет, я думаю, что я прав", сказал он утвердительно.

На другой день он умер.

ПИСЬМА КРЕСТЬЯНИНА П. В. ОЛЬХОВИКА, ОТКАЗАВШЕГОСЯ ОТ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

"**1895** года октября **15** дня я был призван к отбыванию воинской повинности. Когда пришла очередь мне тянуть жребий, я сказал, что жребия тянуть не буду. Чиновники посмотрели на меня, потом поговорили друг с другом и спросили меня, почему я не буду тянуть.

Я отвечал, что это потому, что я ни присягать, ни ружья брать не буду.

Они сказали, что это дело будет после, а жребий тянуть надо.

Я опять отказался. Тогда велели тянуть старосте жребий. Староста вытянул; оказался **№ 674**. Записали.

Входит воинский начальник, вызывает меня в канцелярию и спрашивает: "Кто тебя всему этому научил, что ты не хочешь присягать?"

Я отвечал: "Сам научился, читая Евангелие".

Он говорит: "Не думаю, чтобы ты сам понял так Евангелие; ведь там всё непонятно; чтобы понимать, для этого надо много учиться".

На это я сказал, что Христос учил не мудрости, потому что самые простые неграмотные люди и те понимали его учение.

Тогда он сказал солдату, чтобы отправил меня в команду. С солдатом мы пошли в кухню, там пообедали.

После обеда стали спрашивать меня, почему не присягал.

Я сказал: "Потому что в Евангелии сказано: не клянись вовсе".

Они удивились; потом спросили: "Да разве это есть в Евангелии? А ну найди".

Я нашёл, прочитал; они послушали.

"Хотя и есть, а всё-таки нельзя не присягать, потому что замучат".

Я сказал на это: "Кто погубит земную жизнь, тот наследует жизнь вечную".

"**20** числа меня поставили в ряд с другими молодыми солдатами и рассказали нам солдатские правила. Я им сказал, что я ничего этого делать не буду. Они спросили: "Почему?"

Я сказал: "Потому что, как христианин, не буду носить оружия и защищаться от врагов, потому что Христос велел любить и врагов".

Они сказали: "Да разве только ты один христианин? Ведь мы же вот христиане".

Я сказал: "Про других я ничего не знаю, знаю только про себя, что Христос говорил делать то, что я делаю".

Он опять сказал: "Если ты не будешь заниматься, то я тебя сгною в тюрьме".

На это я сказал: "Что хотите, то и делайте со мной, а служить я не буду".

"Сегодня смотрела комиссия. Генерал говорил офицерам: "Какие убеждения находит этот молокосос, что отказывается от службы! Какие-нибудь миллионы служат, а он один отказывается. Его выпороть хорошенько розгами, тогда он оставит свои убеждения".

Ольховика арестовали и сослали в Якутскую область. На пароходе все говели, он отказался. Солдаты спрашивали его почему. Он объяснил.

"В разговор вмешался Кирилл Середа. Он раскрыл Евангелие и начал читать **5**-ю главу Матвея. Прочитавши, начал говорить: вот Христос запрещает клятву, суды и войну, а у нас всё это делается и считается за законное дело. Тут стояли, столпившись кучей, солдаты и заметили, что у Середы нет на шее креста. Его спросили: а где твой крест?

Он говорит: в сундуке.

Они опять спрашивали: почему же ты его не носишь на шее?

Он говорит: потому что я люблю Христа, а потому и не могу носить того орудия, на котором распят Христос.

Потом вошли два ефрейтора, стали говорить с Середой. Они сказали ему: почему же ты говел недавно, а теперь сбросил крест?

Он отвечал так: потому что я тогда был тёмный, не видел света, а теперь начал читать Евангелие и узнал, что всё это не нужно делать по-христиански.

Они опять спросили: значит и ты служить не будешь, как и Ольховик?

Он сказал, что не будет.

Они спросили: почему?

Он сказал: потому что я христианин, а христиане не должны вооружаться против людей".

Середу арестовали и вместе с Ольховиком сослали в Якутскую область.

А. И. Архангельский

КОМУ СЛУЖИТЬ?

ДОБРО

В мире внешней природы, у растений, у животных нет ни добра, ни зла; нет также этого и в живом, неосмысленном теле человеческом. Грань эта, отделяющая добро от зла, начинается в душе человека его способностью сознавать и разуметь. В душе человека с юных лет идет непрестанная борьба со злом. И там, и только там, в своей душе, борьба со злом и свойственна человеку, и плодотворна. Борьба же со злом вне этой области и не свойственна человеку, и неплодотворна. Это самое и говорит заповедь Христа о непротивлении злу насилием. Заповедь о непротивлении злом злому точно и ясно определяет место для борьбы со злом. Место это — в самом себе.

Пределы насилия для каждого разумного человека ограничиваются своим телом, своею плотью, потому что в этом насилии духа над плотью состоит работа и питание души. Другой же человек, чужая плоть имеет своего однородного хозяина, и насилие, направленное на неё, не имеет разумного оправдания; оно не нужно. Учение о непротивлении злому имеет именно эту самую цель — цель обнаружения ненужности насилия, направленного на другого.

Кто возьмется утверждать, чтобы человек сам, своей волею, не мог управиться сам в себе, чтобы он не мог понимать и делать всё то, что требуется от него для жизни того мира, в котором он живет? Утверждать это — значит отрицать данную Богом человеку свободу жизни, свободу спасти себя или погубить, отрицать своё разумное существо, утверждать это — значит отрицать человека. Воля человека может простираться за пределы его существа, но кто решится утверждать, чтобы она была там необходима? Кто решится утверждать, чтобы в жизни мира мог быть ущерб от его, человеческого личного невмешательства? Утверждать это — значит говорить о недостаточности воли Божией, значит отрицать Бога. Мирское зло именно в том и состоит, что люди простирают свою волю за пределы своего существа, т.е. ставят свою волю на место воли Божией. Святотатство это обнаруживается заповедью о непротивлении злому.

Успех оправдывает дело: победил, так и прав; правда в победе. Таково плотское, животное, языческое понимание об истине — понятие, по которому

слово "истина" только пустой звук. "Что такое истина? Вот ужо повесят тебя с твоей истиной!" — сказал Пилат. Но Христос видит истину, и видит её на противоположном конце: прав побежденный. Если ты лично в борьбе с человеком победил силою, то знай, что не прав непременно ты, что истина не на твоей стороне. Истина в побеждённом, в побеждённом Бог, побеждённый воплощает в себе понятие о господстве Бога — первое и основное понятие разумного существа. Таково положение человека на земле, и единственный путь из этого на первый взгляд печального положения — это не противиться злому, не бороться с человеком, признать себя навсегда побеждённым заранее, быть навсегда побеждённым Богом, — путь, который освещается и возвеличивается истинною религиею, разумением о жизни человека.

Непротивление, устраняя борьбу, освобождает вероятность и возможность успокоения, освобождает поле для иного, духовного взаимодействия, в котором уже другие силы и другие интересы. Призвание же человека на земле, как показано это в Евангелии искушением Иисуса от дьявола и беседою с Никодимом, именно в том и состоит, чтобы освобождать и выше всего возвеличивать в мире людей божественную способность человека сознавать и разуметь, — освобождать и возвеличивать это разумное сознание, этого сына человеческого, этого сына Божия в человеке. Не противиться — значит пробуждать, воскрешать сына Божия, воскрешать Христа; противиться — угнетать, распинать его. Человек — разумное существо. Благо разумного существа — в торжестве и господстве разума. Для торжества же и господства разума необходимо прежде всего успокоение страстей плоти. И как в жизни одного человека, так и в общественной жизни народов никогда не может утвердиться господство разума на почве страстей, гордости, суда, власти, насилия. Заповедью о непротивлении злому достигается осуществление в жизни этой аксиомы мудрости.

Разумение и сознание заложено Богом в души всех людей, и Евангелие внушает ценить это дороже всего. "Кто скажет брату своему: "рака́", подлежит суду, а кто скажет: "безумный", подлежит геенне огненной". Только души человеческие находят в сознании и разумении единение и любовь; во внешнем же мире каждое существо любит само себя больше всего остального мира. Заповедь о непротивлении злому, определяя место для борьбы со злом, разрушает вопрос вечного противоречия между внешним миром розни и вражды и духовным миром единения и любви и соединяет их в одно царство Бога, как об этом вдохновенно сказал Иисус Нафанаилу: "Отныне уничтожается грань между небом и землёю, и силы неба будут так же служить человеку, как служат ему силы земли" **(Ин. 1, 51)**.

ЗАКОН НАСИЛИЯ И ЗАКОН ЛЮБВИ

Христианину нельзя насильничать. Сказано так: "Если кто ударит тебя в правую щёку твою, обрати к нему и другую". Смысл этих слов тот, что если тебя ударили, то лучше, чем отдать удар за удар, подставь щёку. Таков закон Бога для христианина. Кто бы ни сделал насилие и для чего бы оно ни было сделано, всё равно — зло, как зло убийства, блуда, — всё равно, для чего бы оно ни было сделано, и кто бы ни сделал его, и один ли человек, или миллионы людей, — зло всё зло, потому что перед Богом все люди равны и потому что заповедь Божия не похожа на заповеди человеческие с их исключениями, примечаниями и обходами по времени и месту. Заповедь Божия одна для всех людей, потому что дух, живущий в нас, один и тот же во всех. Для христианина в крайнем случае лучше быть убитым, чем убийцей; лучше подвергнуться насилию, чем самому насильничать. Если меня люди обидят, то я, как христианин, должен рассуждать так: я тоже обижал людей, и потому хорошо, что Бог посылает мне испытание для моего вразумления и очищения от грехов. Если же меня люди обидят в правоте, тогда мне вдвойне хорошо, потому что я через это становлюсь товарищ передовых бойцов за жизнь, за свет, за свободу. Нельзя спасти душу свою злом, нельзя прийти к добру дорогою зла, как нельзя прийти домой, идя прочь от дома. Сатана сатану не изгоняет: зло не побеждается злом, а только накладывается зло на зло и укрепляется. Зло побеждается только противным духом, правдивостью и добром. Добром, только добром и терпением и страданием можно и следует гасить зло.

Но люди не живут по закону христианскому, закону разумения, смирения, самоотвержения, прощения и братской любви; а живут по закону животному, звериному, по которому "кто кого может, тот того и гложет". Можно допустить, что человек употребит насилие над горячечным больным, над пьяным, над сумасшедшим, над глупым ребенком не с целью делать ему зло, а с целью предупредить беду. Можно терпеть, простить и допустить такое насилие как неизбежное зло, но не возвеличивать. Когда же закон звериной жизни возводится в дело общественное как закон для всех, возвеличивается как закон будто бы божественный, то это для людей разумных, особенно для христиан, становится уже делом противоестественным, антихристовым, хулою на дух Христов — это грех непростительный.

Христос и антихрист живут от века, как две противоположные силы. Жить по Христу — значит жить по-человечески, любить людей, делать добро и за зло воздавать добром. Жить по антихристу — значит жить по-звериному, любить только себя и за зло и за добро воздавать злом. Чем больше в своей обыкновенной, ежечасной жизни мы будем стараться жить по Христу, тем больше будет любви и счастья между людьми. Чем больше

мы будем придерживаться учения антихриста, тем жизнь людей будет бедственнее. Заповедь о непротивлении злому ясно показывает два разные пути: путь истины, путь Христов, путь искренности мысли и чувства — путь жизни; и другой путь: путь обмана, путь дьявола, путь всякого лицемерия — путь смерти. И пусть страшно взять на себя крест заповеди о непротивлении злому, пусть страшно отдать себя в жертву злодею, но мы знаем, где дорога добра, дорога спасения. Будем же употреблять усилие, чтобы идти по ней, и будем освещать этот путь светом своего разумения и, зная, что мы не упираемся в стену, а что впереди есть дорога и свет.

Не противиться злому силою не значит, что нужно отказаться от охраны и жизни, и трудов своих, и других людей, а значит только, что охранять всё это нужно иным способом, так, чтобы охрана эта не была противна разуму. Охранять жизнь и труды других людей и свои нужно тем, чтобы стараться пробудить в нападающем злодее доброе чувство. А для того чтобы человек мог это сделать, надо, чтобы он сам был добр и разумен. Если я вижу, например, что один человек намерен убить другого, то лучшее, что я могу сделать, это поставить самого себя на место убиваемого — и защитить, накрыть собою того человека и, если можно, спасти, утащить, спрятать его — всё равно, как я стал бы спасать человека из пламени пожара или утопающего: либо самому погибнуть, либо спасти. Если же я оказываюсь бессилен в этом способе, потому что я сам заблудший грешник, то это моё бессилие не даёт мне права пробуждать в себе зверя и вносить беспорядок в мир злом насилия и его оправданием.

ПОКАЯНИЕ

Не противиться злому не значит не бороться против зла: наоборот, это значит бороться со злом, но не бороться с человеком, бороться только против того, что есть злого, ошибочного в человеке, бороться со злом, сострадая и любя человека, одержимого злом.

Слова и поступки человека зависят от направления, которое он даёт своим мыслям. И потому борьба со злом в том, чтобы стараться переменить мысли или суметь вызвать перемену мысли человека, делающего зло. В этом смысле открывается возможность апостольской борьбы со злом. Люди, чувствующие в своей душе потребность подвига, самоотвержения, могут идти одиночками навстречу злодеям в их лагерь, в близкие братья, в сожители к ним и ценою личного страдания и унижения, усилием всей жизни своей пробуждать сына Божия в падших братьях. Способ состоит в том, чтобы, посвятив себя Богу, связать свою жизнь с жизнью злодея и во всех добрых делах житейского обихода братски разделить с ним благо жизни, а злодейству его мешать своим присутствием и своим убеждением, рискуя

своею личною телесною жизнию и таким образом посвящая её Богу. Это прекрасный исход для великой души в наше время, когда есть столько лёгких способов поведать истину громадному большинству жаждущих её людей, когда особое призвание апостольства среди мирных братьев уже не имеет места, когда если ещё не возвеличивается, то сознаётся уже людьми братство людей и народов; и недалеко то время, когда все люди будут научены Богом и когда, можно надеяться, что на месте злодеев окажутся больные, несчастные люди, злодействовавшие только потому, что они были заброшены. Во всяком случае, враг только тогда может быть побеждён, когда на борьбу с ним выходят лучшие силы. Борьба со злом всегда должна быть уделом лучших представителей человечества, а не как теперь в существующем порядке: полицейских, тюремщиков, чиновников, людей корысти, тщеславия, гордости, лицемерия и лицеприятия, так что если исключить эти пороки из привилегий теперешних борцов со злом, эти большие жалования, предосудительные доходы, чины, ордера, подчинённость и угодничество, то все эти теперь такие усердные борцы и ораторы, — все они разбегутся.

Чтобы связать зло в человеке, надо вызвать в нём перемену мыслей. Обманом, хотя и ненадежно, но всё-таки можно вызвать перемену мыслей, насилием же никогда и ни в каком случае.

Есть несомненный расчёт людям не противиться злодею — расчёт в том, чтобы непротивлением и добром приобрести человека кающегося. А мы не можем даже приблизительно вообразить, чем может наградить нас душа, очищенная покаянием. В каждом злодее, которого мы насилуем и наказываем, мы теряем, может быть, подвижника. Евангелие говорит, что "на небесах, у ангелов Божиих, больше бывает радости об одном кающемся грешнике, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии". Если бы хоть не все, хоть сотая часть всех так называемых преступников, которые бессмысленно убиты и убиваются, которые мучались и мучаются, отбывая наказание, в нём полагая своё искупление; если бы хоть тысячная доля их под влиянием непротивления и добра до конца покаялись бы и сами отыскивали бы средства своего искупления, то как можем мы знать, что могли бы дать нам эти покаянные души. Может быть, царство Бога давно уже было бы среди нас в славе и в силе и мы давно уже не видали бы всех тех бедствий, среди которых теперь не видим просвета. Так что, противясь злому, мы не только нарушаем соразмерность, правильность нашей жизни, вредим своему духовному здоровью, но и необыкновенно, неизмеримо много теряем: теряем то, что при желании могли бы приобрести.

Недавно приходит ко мне полицейский надзиратель с городовым и с двумя понятыми и говорит: "Господин исправник в комиссии с воинским начальником прислали меня пригласить вас в полицейское управление по делу о вашей неявке на проверку призывных по воинской повинности списков". Я немного растерялся и замялся в словах, а он прибавил: "Они сейчас в полицейском управлении ожидают вас". Я говорю: "Зачем же они ожидают, я не обещался приходить".

— Но они вас просят, — понимаете: исправник и воинский начальник прислали меня.

— Так, — я говорю, — но мне-то их совершенно не нужно.

— Значит, не пойдёте?

— Да-а! не пойду.

— Значит вы не признаёте властей, идёте против власти?

— Я не иду против властей, пускай власти стоят, может быть, они кому-нибудь и нужны, но я-то не имею до них никакой нужды. Вот вы так грозно говорите: "исправник, воинский начальник" и "против властей", а я понимаю, что это тоже люди, рождённые, как и я, из утробы матери, пьющие, едящие, согрешающие и умирающие, словом, как все люди. И согласитесь сами, зачем же я пойду к человеку, которого мне совершенно не нужно. Если же, как вы говорите, я им нужен, — ну тогда пускай ко мне придут.

— Ну, да, — сказал полицейский: — но если так допустить, то никто не будет ходить, а через это уничтожатся власти, — значит, вы идёте против властей?

— Но вы поймите, что я говорю: мне они не нужны. Если я делаю какое-либо дело и оно не нужно людям, то как же я могу заставить их нуждаться в моем деле. То же и с властью. Она мне не нужна. Если я ошибаюсь, то, конечно, власти не уничтожатся оттого, что я, какой-то там ничтожный человек, сделал ошибку. Если же, как вы опасаетесь, что власти таким образом всем будут не нужны и через это уничтожатся, то что же делать, такова, значит, будет воля Божия.

— Так и не пойдете?

— Ну, конечно!

— В таком случае до свиданья!

— Будьте здоровы.

Зло властей в том, что они насильственны. Пусть о всяком предстоящем деле всякий человек прежде удостоверится своим разумом, согласно ли оно с волей Божией или не согласно. И если согласно, то пусть делает его, если же не согласно, то пусть не только не делает его, но пальцем не шевелит, не произнесёт ни одного звука на пользу такого дела. И тогда то, что не нужно, то уничтожится само собой по воле Бога.

Ф. Р. Ламенэ

УСТРОЙСТВО МИРА

Мир — это общество такое, каким оно было во времена Иисуса и каково оно в сущности и теперь, так как восемнадцать веков христианства не изменили его основ, а только смягчили их проявления. Несмотря на изменение внешних форм, это общество держится везде на силе и себялюбии.

Повелевают только потому, что имеют власть; угнетают, мучают потому, что повелевают для себя. Таков мир, и между миром и Иисусом вечная борьба, потому что то, чего хочет Иисус, прямо противоположно тому, чего хочет мир. Иисус хочет, чтобы люди были свободны, чтобы, будучи равными перед общим отцом, они были равны и друг перед другом, чтобы братская любовь соединила их в одну семью. Мир же хочет подчинения почти всех некоторым; хочет не братьев, но малых и великих, — малых, лишённых всяких прав, и великих, которым бы они принадлежали и которые располагали бы ими как хотят.

Иисус хочет, чтобы власть была служением; мир хочет, чтобы она была господством! Поэтому Иисус осуждает мир, и мир ненавидит Иисуса, и ненависть эта, распространяясь на учеников Иисуса, подвергает их гонениям от мира. Если бы мир терпел их, если бы между ним и ими была бы связь какая бы то ни было, они были бы учениками Иисуса, но изменниками его учению, соучастниками того, кто предал его поцелуем.

Итак, вы — те, которые хотите того, чего хотел Иисус, те, которых он избрал для того, чтобы продолжать его дело, будьте готовы к тому, что ожидает вас в мире; но знайте и то, что мир не будет сильнейшим до конца, а будет побеждён, потому что та истина, которая должна победить, уже начинает светиться перед глазами всех, начинает шевелить все совести, и мир тщетно старается убить её, как он убил Иисуса. Времена приближаются, глухой ропот предвещает освобождение; со всех сторон слышен треск разрывающихся цепей; сильные смущены — чувствуют, что они слабеют; слабые же поднимают голову. Должна произойти последняя битва. Пусть всякий твёрдо стоит в этой битве, решающей вопрос о том, будет ли человечество освобождено Христом по его обещанию или вечно будет рабом сынов того, кто был человекоубийцей от начала.

Л. Н. Толстой

ВЫГОДЫ И НЕВЫГОДЫ ОТКАЗА ОТ ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ

Правительства, как это говорят нам, необходимы со своими войсками для защиты от могущих поработить нас соседних государств. Но ведь это говорят все правительства друг про друга, и вместе с тем мы знаем, что все европейские народы исповедуют одинаковые принципы свободы и братства и потому не нуждаются в защите друг от друга. Если же говорить о защите от варваров, то для этого достаточно 0,001 тех войск, которые стоят теперь под ружьём. Так что выходит обратное тому, что говорится: государственная власть не только не спасает от опасности нападения соседей, а напротив, она-то и производит опасность нападения.

Но мало того, что, рассуждая теоретически, всякий человек не может не видеть, что жертвы, требуемые государством, не имеют никакого основания; даже рассуждая практически, т.е. взвешивая все те тяжелые условия, в которые поставлен человек государством, всякий не может не видеть, что для себя лично исполнение требований государства и подчинение себя воинской повинности для него в большинстве случаев невыгоднее, чем отказ от неё.

Если большинство людей предпочитает подчинение неподчинению, то это происходит не вследствие трезвого взвешивания выгод и невыгод, а потому, что к подчинению привлекает людей гипнотизация, которой они при этом подвергаются. Подчиняясь, люди только покоряются тем требованиям, которые к ним предъявляются, не рассуждая и не делая усилия воли; для неподчинения нужно самостоятельное рассуждение и усилие, на которое не каждый бывает способен. Если же, исключив нравственное значение подчинения и неподчинения, сообразовываться только с одними выгодами, то неподчинение в общем всегда будет выгоднее подчинения.

Кто бы я ни был, человек ли, принадлежащий к достаточным, угнетающим классам или к рабочим, угнетённым, и в том и в другом случае невыгоды неподчинения меньше, чем невыгоды подчинения, и выгоды неподчинения больше выгод подчинения.

Если я принадлежу к меньшинству угнетателей, невыгоды неподчинения требованиям правительства будут состоять в том, что меня, как отказавшегося исполнить требования правительства, будут судить и в лучшем случае или оправдают, или, как поступают у нас с менонитами, —

заставят отбывать срок службы на невоенной работе; в худшем же случае приговорят к ссылке или заключению в тюрьму на два, три года (я говорю по примерам, бывшим в России), или, может быть, и на более долгое заключение, может быть, и на казнь, хотя вероятие такого наказания очень мало.

Таковы невыгоды неподчинения. Невыгоды же подчинения будут состоять в следующем: в лучшем случае меня не пошлют на убийства людей и самого не подвергнут большим вероятиям искалечения и смерти, а только зачислят в военное рабство: я буду наряжен в шутовской наряд, мною будет помыкать всякий человек, выше меня чином, от ефрейтора до фельдмаршала, меня заставят кривляться телом, как им этого хочется, и, продержав меня от одного до пяти лет, оставят на десять лет в положении готовности всякую минуту явиться опять на исполнение всех этих дел. В худшем же случае будет то, что при всех тех же прежних условиях рабства меня ещё пошлют на войну, где я вынужден буду убивать ничего не сделавших мне людей чужих народов, где могу быть искалечен и убит и где могу попасть в такое место, как это бывало в Севастополе и как бывает во всякой войне, где люди посылаются на верную смерть, и, что мучительнее всего, могу быть послан против своих же соотечественников и должен буду убивать своих братьев для династических или совершенно чуждых мне правительственных интересов. Таковы сравнительные невыгоды.

Сравнительные же выгоды подчинения и неподчинения следующие.

Для неотказавшегося выгоды будут состоять в том, что он, подвергнувшись всем унижениям и исполнив все жестокости, которые от него требуются, может, не будучи убитым, получить украшения красные, золотые, мишурные на свой шутовской наряд, может в лучшем случае распоряжаться над сотнями тысяч таких же, как и он, оскотиненных людей и называться фельдмаршалом и получить много денег.

Выгоды же отказавшегося будут состоять в том, что он сохранит своё человеческое достоинство, получит уважение добрых людей и, главное, будет несомненно знать, что он делает дело Божье, и потому несомненное добро людям.

Таковы выгоды и невыгоды с обеих сторон для человека из богатых классов, для угнетателя; для человека же бедного рабочего класса выгоды и невыгоды будут те же, но с важным прибавлением невыгод. Невыгоды для человека из рабочего класса, не отказавшегося от военной службы, будут ещё состоять в том, что, поступая в военную службу, он своим участием и как бы согласием закрепляет то угнетение, в котором находится он сам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тебя уверяют, что для того, чтобы не нарушился вчера устроенный несколькими людьми в известном уголке мира постоянно изменяющийся порядок, ты должен совершать поступки истязаний, мучений, убийств отдельных людей, нарушающие верный, установленный Богом или разумом неизменный порядок мира. Разве может это быть?

И потому не можешь ты не задуматься над твоим положением землевладельца, купца, судьи, императора, президента, министра, священника, солдата, связанным с угнетениями, насилиями, обманами, истязаниями и убийствами, и не признать незаконности их.

Я не говорю, что, если ты землевладелец, чтобы ты сейчас же отдал свою землю бедным, если капиталист, сейчас бы отдал свои деньги, фабрику рабочим, если царь, министр, служащий, судья, генерал, то чтобы ты тотчас отказался от своего выгодного положения, если солдат (т.е. занимаешь то положение, на котором стоят все насилия), то, несмотря на все опасности отказа в повиновении, тотчас бы отказался от своего положения.

Если ты сделаешь это, ты сделаешь самое лучшее, но может случиться — и самое вероятное — то, что ты не в силах будешь сделать этого: у тебя связи, семья, подчинённые, начальники, ты можешь быть под таким сильным влиянием соблазнов, что будешь не в силах сделать это, — но признать истину истиной и не лгать ты всегда можешь. Не утверждать того, что ты остаёшься землевладельцем, фабрикантом, купцом, художником, писателем потому, что это полезно для людей, что ты служишь губернатором, прокурором, царём не потому, что тебе это приятно, привычно, а для блага людей; что ты продолжаешь быть солдатом не потому, что боишься наказания, а потому, что считаешь войско необходимым для обеспечения жизни людей; не лгать так перед собой и людьми ты всегда можешь, и не только можешь, но и должен, потому что в этом одном, в освобождении себя от лжи и исповедании истины состоит единственное благо твоей жизни.

Л. Н. Толстой

КОММЕНТАРИИ

Л. Н. Толстой. Непротивление злу насилием.

Из трактата "В чём моя вера?". Впервые на русском языке был напечатан в Женеве, без указания года; там же в 1888, 1892 и в 1900 гг. В России полностью лишь в 1906 г. в журнале "Всемирный вестник" (№ 2).

Л. Н. Толстой. История и теория вопроса о непротивлении злу насилием. Из трактата Л.Н.Толстого "Царство Божие внутри вас, или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание", 1893-94 гг.

Отношение первых христиан к войне.

Взято из "Круга чтения" Л.Н.Толстого (1-я редакция 1904 г., М., "Посредник", 1906; 2-я редакция — 1908 г.). Заключительная часть — из 10-й главы статьи Л.Н.Толстого "Закон насилия и закон любви", 1906 г.

Л. Н. Толстой. Пётр Хельчицкий. Из "Круга чтения" Л.Н.Толстого.

П. Хельчицкий. Закон Бога и закон мира сего.

Из "Круга чтения". Впервые "Сеть веры" была напечатана в Чехии, в 1521; на русском языке издана Академией наук в 1893 г. и перепечатана "Посредником" в 1907 г.

Л. Н. Толстой. Гаррисон и его "Провозглашение". Взято из "Круга чтения", где само "Провозглашение" дано в сокращённом виде.

У. Л. Гаррисон. Провозглашение основ...

Взято из 1-й главы трактата Л.Н.Толстого "Царство Божие внутри вас".

Гаррисоном издавался также журнал, посвящённый вопросам непротивления. Вскоре большинство единомышленников отошло от этой идеи, общество распалось и журнал был закрыт. Адин Балу — один из немногих оставшихся последователей.

Адин Балу. Катехизис непротивления. Издан в Филадельфии, в 1846 г. Взят из 1-й главы трактата "Царство Божие внутри вас". Вступление Л.Н.Толстого — из "Круга чтения", где "Катехизис" дан в пересказе.

Цитаты из разных сочинений А.Балу взяты из трактата "Царство Божие внутри вас" и из "Пути жизни", 1910 г. Л.Н.Толстого.

В. Ольховский (В. Д. Бонч-Бруевич). О секте назарен, распространившейся в Венгрии, Сербии и Хорватии.

Составлено по книге: В. Ольховский. Назарены в Венгрии. М., "Посредник", 1906; взято из "Круга чтения". Книга написана по материалам, предоставленным

автору Д.П.Маковицким. Примечание и заключительная часть взяты из 11-й главы трактата "Царство Божие внутри вас".

Альберт Шкарван. Мой отказ от военной службы. Эти два фрагмента впервые опубликованы в книге: А. Шкарван. Мой отказ от военной службы. "Свободное слово" (Англия), Лондон, 1898. Взяты из "Круга чтения".

После рассмотрения в рейхстаге дела об отказе от службы военным врачом Шкарван был лишен диплома и выдворен из страны. Проживал в Англии. В годы Первой мировой войны он снова отказывался от службы в армии и отбывал тюремное наказание.

Цитата из предисловия В. Г. Черткова дана по книге: А.И.Клибанов. "Религиозное сектантство и современность", М., "Наука", 1969.

Отказы от воинской повинности в России. Представляет из себя 11-ю главу "Закона насилия и закона любви" Л.Н.Толстого.

Е. И. Попов. Жизнь и смерть Е. Н. Дрожжина.

Впервые книга издана в Берлине, в 1895 г. с послесловием Л.Н.Толстого. Для "Круга чтения", из которого взят этот отрывок, использовано издание "Свободного слова" (Англия), 1903.

Письма крестьянина **П. В. Ольховика**. Для "Круга чтения", из которого взят этот отрывок, использовано английское издание, 1897 г.

А. И. Архангельский. Кому служить? Приведённые отрывки взяты из "Круга чтения". Впервые полностью "Кому служить?" было издано в 1911 г. в Бургасе (Болгария), 2-е издание — М., 1920.

Ф. Р. Ламенэ. Устройство мира. Фрагмент из книги "Слова верующего", 1834 г., взят из "Круга чтения" Л.Н.Толстого.

Л. Н. Толстой. Выгоды и невыгоды отказа от воинской повинности. Взято из 7-й главы трактата "Царство Божие внутри вас".

Заключение. Является отрывком из 6-й части 12-й главы трактата "Царство Божие внутри вас".

Все перечисленные книги полностью можно прочесть в Электронной библиотеке проекта «Вне насилия» www.antimilitary.narod.ru

Августин Аврелий (Блаженный) (354-430) — известный богослов.

Арнольд Мэтью (1822-1888) — английский поэт, критик и педагог.

Архангельский Александр Иванович (Бука) (1857-1906) — фельдшер, ветеринар, литератор, последователь Л. Н. Толстого.

Афинагор Афинский (II в.) — автор работ в защиту христианства.

Балу (Баллу, Бэллоу) Адин (1803-1890) — американский пастор.

Бондарев Тимофей Михайлович (1820-1896) — крестьянин, автор сочинения "Трудолюбие и тунеядство, или Торжество земледельца".

Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873-1955) — революционер, советский государственный деятель, автор книг по истории религиозных движений.

Василий Великий (ок. 330-379) — богослов, епископ Кесарии.

Вогюэ Эжен Мельхиор де (1848-1910) — французский писатель.

Ганди Мохандас Карамчанд (Махатма) (1869-1948) — лидер ненасильственного национально-освободительного движения в Индии.

Гаррисон Уильям Ллойд (1805-1879) — основатель Американского общества борьбы с рабством, журналист и поэт.

Гус Ян (1371-1415) — идеолог чешской Реформации, вдохновитель народного движения в Чехии против католической церкви, сожжён на костре.

Гусев Николай Николаевич (1882-1967) — секретарь Л.Н.Толстого.

Дрожжин Евдоким Никитич (1866-1894) — сельский учитель.

Иоанн Златоуст (344/354-407) — богослов, епископ Константинопольский.

Кальвин Жан (1509-1564) — глава Реформации в Женеве.

Климент Александрийский (ок. 150 — ок. 217) — богослов.

Константин I Великий (ок. 274-337) — римский император, провозгласивший христианство государственной религией.

Лактанций Луций Цецилий Фирмиан (ок. 260-325/330) — богослов.

Ламенэ (Ламенне) Фелисите Робер де (1782-1854) — французский публицист и религиозный философ, основатель христианского социализма.

Лесков Николай Семёнович (1831-1895) — известный русский писатель.

Лютер Мартин (1483-1560) — глава Реформации в Германии.

Меланхтон Филипп (1497-1560) — сподвижник Мартина Лютера.

Ольховик Пётр Васильевич (1875-?) — крестьянин Харьковской губернии, отказывался от службы в армии и был сослан в Якутскую губернию.

Ориген (ок. 185-254) — богослов и философ, автор книги "Против Цельса".

Попов Евгений Иванович (1864-1938) — последователь Л. Н. Толстого.

Ренан Жозеф Эрнест (1823-1892) — французский писатель, историк.

Сютаев Василий Кириллович (1819-1892) — крестьянин Тверской губернии, самостоятельно пришедший к тем же взглядам, что и Л. Н. Толстой.

Тертуллиан (ок. 160 — после 220) — автор работ в защиту христианства.

Цельс (II в.) — философ-эклектик, автор книги "Истинное слово" (ок. **150** г.), старался доказать опасность христианства для всех политических учреждений.

Шкарван Альберт Альбертович (1870-1926) — врач, словак из Австро-Венгрии. После отказа от службы военным врачом был изгнан из страны.

Юлиан Отступник (331-363) — римский император с **361** г. Объявил себя сторонником языческой религии, издал эдикты против христиан.

СОДЕРЖАНИЕ

Л. Н. Толстой. Непротивление злу насилием **3**
Л. Н. Толстой. История и теория вопроса о непротивлении злу насилием **15**
Отношение первых христиан к войне **31**
Л. Н. Толстой. Пётр Хельчицкий **34**
П. Хельчицкий. Закон Бога и закон мира сего **37**
Л. Н. Толстой. Гаррисон и его "Провозглашение" **42**
У. Л. Гаррисон. Провозглашение основ, принятых членами общества, основанного для установления между людьми всеобщего мира **44**
Адин Балу. Катехизис непротивления **47**
В. Ольховский. О секте назарен, распространившейся в Венгрии, Сербии и Хорватии **53**
Альберт Шкарван. Мой отказ от военной службы **56**
Отказы от воинской повинности в России **60**
Е. И. Попов. Жизнь и смерть Е. Н. Дрожжина **63**
Письма крестьянина ***П. В. Ольховика***, отказавшегося от военной службы **64**
А. И. Архангельский. Кому служить? **66**
Ф. Р. Ламенэ. Устройство мира **72**
Л. Н. Толстой. Выгоды и невыгоды отказа от воинской повинности **73**
Заключение **75**

Комментарии **76**

“Непротивление злу насилием”
Издание 2-е, исправленное.

Источники текстов:

“В чём моя вера?”: Л.Н.Толстой. Исповедь. В чём моя вера? Л., "Художественная литература", Лен. отделение, 1991.

“Царство Божие внутри вас...”, “Закон насилия и закон любви”: Л.Н.Толстой. Избранные философские произведения. М., 1992.

Л.Н.Толстой. **Круг чтения**. Т. 1, 2. М., "Политиздат", 1991.

Л.Н.Толстой. **Путь жизни**. Тольятти, "Анфас", 1995.

Письмо Н.С.Лескова к Л.Н.Толстому: Н.С.Лесков. Собр. соч. в 11 тт., т. 11, М., 1958.

М.К.Ганди. **Моя жизнь.** "ОГИЗ-СОЦЭКГИЗ", 1934.

Редактор: Адаменко В.В.
Эл. адрес: adamenko77@gmail.com

Макет создан: 02.04.14
Сдан в печать:

Тир. 999 экз.